

Времена философов

16+

Кудин А.В.

Андрей Владимирович Кудин

Времена философов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51836494

SelfPub; 2020

Аннотация

События происходят в начале двадцать третьего века, в эпоху, воплотившую в себе наши общие (кажущиеся ныне несбыточными) мечты о земном рае. Главный персонаж рассказа и повести Вильгельм Гальпурге – писатель-философ, замкнутый и имеющий сложные отношения с социумом молодой человек. В его городе уже несколько лет в состоянии заброшенности находится когда-то любимый всеми Вильский парк – по непонятным причинам в нём происходят сверхъестественные явления. Тайна парка не даёт ему покоя; а также внушают тревогу некоторые укрепляющиеся в обществе тенденции. Пройдя долгий, тернистый путь, и сподобившись по-настоящему счастливой жизни, человечество оказывается перед лицом новой угрозы, причём её возникновение может быть обусловлено самой его природой... Роман «Узники Солнца» – это путешествие в мир художника Роберта Галахена и экстрасенса Винера Степса. Знакомство этих молодых людей друг с другом вдохновит первого на создание серии картин, которые о многом расскажут нашему с Вами времени.

Рассказ

В годы нашей безумной весны

Пролог.

Это случилось со мной во время вечерней прогулки по окрестностям заброшенного парка.

Из задумчивости, в коей я по обыкновению пребывал, меня внезапно вывел чей-то голос:

– Вил, вы в шаге от того, чтобы многое узнать.

Я настороженно поглядел по сторонам. Нигде не было ни души. Безмолвная аллея, холодный порывистый ветер, вздрагивающие деревья, небо, затянутое пеленой... А между тем тот, кто произнёс эти слова (очень тихо и спокойно), должен был находиться в том же месте, где и я. Мне подумалось: «Если мой собственный внутренний голос зазвучал, как посторонний, то, вероятно, я схожу с ума».

– Вил, вы подошли достаточно близко...

Мой взгляд остановился на отрезке забора, освещаемом светом фонаря. Мысль о том, что кто-то вот-вот выйдет из темноты, как ни странно, не внушила мне страха.

– Подошёл к чему?.. – спросил я.

И тут увидел, что на территории парка, где-то рядом с футбольным полем, заросшим бурьяном, горит костёр или...

«Нет, это вовсе не костёр, – понял я, присмотревшись, – а как будто россыпь драгоценных камней...»

– Подошёл к чему?.. – повторил я вопрос, чувствуя, что ответ на него может быть очень важен для меня.

– К тому, чтобы понять, что происходит по ту сторону, – произнёс голос. А затем, словно озвучил мою мысль, добавил: – Всё, что вам нужно, это попасть внутрь.

– Но туда нет прохода, – сказал я, представляя бесконечный высокий забор парка и закрытые со всех сторон ворота...

В ответ прозвучало:

– Есть одно место. Вы можете найти его...

И мне не то вспомнилось, не то почудилось, что такое место и вправду существует. Я целеустремлённо двинулся вперёд.

Но как будто от этого... от чересчур громких моих шагов, натужного дыхания и судорожных мыслей – ветер стал ещё холоднее, надрывно зашумели деревья, заморосил дождь...

Я помню... как долго бежал – борясь с собой, со своими мыслями... Вы спросите, почему мне приходилось с ними бороться? Не каждый поймёт мой ответ, но... я чувствовал, что за мной гонится моя тень... Бежал, надеясь вновь услышать голос, который подскажет мне, как действовать. Действовать...

Изрядно вымокиший под усилившимся дождём, изнурён-

ный внутренней борьбой... в какой-то момент я остановился и назвал себя круглым идиотом. Было ясно, ничего другого мне не остаётся, кроме как идти домой.

Но потом поднял голову и увидел пожилого человека (сторожа) который закрывал ворота парка. И надежда (возможно, я смогу его уговорить) зажглась во мне снова.

– Эй парень, не поможешь? Чёртовы ворота совсем плохо стали закрываться.

– Постойте, подождите, вы не могли бы пока не закрывать?! Мне нужно попасть туда, очень нужно! Правда, у меня нет удостоверения...

– Даже если бы оно у тебя было, нет у меня времени ждать, – произнёс он, выпрямляясь. Присмотрелся ко мне и сердито добавил: да и не стал бы ради тебя мокнуть под дождём. Так что, ты либо мне поможешь, либо я справлюсь без тебя.

Перед внутренним взором засияли россыпи драгоценных камней, к которым, похоже, не суждено было приблизиться.

– Вы... – Меня буквально затрясло, и от этого я растерял слова. Что-то скомкано стал говорить. Затем нашёл в себе силы и заговорил членораздельно: вы не понимаете, это... это дело жизни и смерти, это действительно важно!

– О, я понимаю, – отвечал пожилой мужчина, продолжая бороться с воротами, – ты один из тех ненормальных молодчиков, которые вместо того, чтобы интересоваться де-

вушками, приходят сюда, где им мерещится всякая всячина. Для таких, как ты, парень, здесь всегда будет висеть замок!

— Вы... — я схватился за голову, как если бы испытал приступ боли... и не придумал ничего лучше, чем броситься на закрывающиеся ворота.

Во мне мелькнула мысль, что сейчас этот мужчина схватит меня и отбросит в сторону. Но он напротив, отступил — не от внезапности, не от испуга, а потому что за мгновение до этого успел повернуть ключ в замке.

Не сказав мне больше ни слова (так как, наверняка, не видел в этом смысла), мужчина ушёл.

В отчаянии и с дурными мыслями я возвращался в тот вечер домой. Впрочем, ближе к концу пути я был уже совершенно спокоен. От усталости мне хотелось лишь как можно скорее оказаться в домашнем тепле и лечь спать.

На пороге я ненадолго задержался; глядя на проблеснувшую в небе звезду, спросил себя: возможно ли, чтобы такой человек, как я, который зачастую выглядит нелепо даже в собственных глазах, пролил свет на тайну Вильского парка — сделал то, что за столько лет не удалось никому?

Заброшенный Вильский парк привлекал к себе особое внимание знаменитого антрополога, профессора мистера Генриха Рольпера. Часто, проходя по его окрестностям, этот учёный делал остановку для того, чтобы понаблюдать (если представлялся случай) за чудесами, которые происходили в

его пределах. Когда какое-нибудь чудо ускользало от наблюдения, либо становилось загадкой для профессора – как полагали, говоря об этом пожилом человеке с иронией (если не с насмешкой) – он становился чрезвычайно раздражительным и по малейшему поводу мог выйти из себя, что представляло определённую опасность для окружающих его людей. И те, кто хотя бы немного знал мистера Рольпера, в такое время, как правило, старались не контактировать с ним.

Не раз бывало так, что настроение, а, следовательно, и поведение профессора резко менялось во время лекции, в результате чего отдельные лица у всех на виду превращались, что называется, в мишени. Об одном таком (и, в то же время, совершенно уникальном) случае я и хочу рассказать.

Произошло это совсем недавно.

– Вот Вы, мистер Гальпурге! – обратился он вдруг ко мне с трибуны актового зала. – В который раз вы посещаете наши лекции?! Хотя, что я спрашиваю, ведь вы же не пропустили ни одной. Пожалуй, другого такого ученика в зале и не найти. Ну, и что же произнесли вы за всё это время?.. Решительно ничего! И правильно. Ибо стоит ли расходовать драгоценную энергию?! Я верно вас понимаю?! Вы приходите сюда, чтобы послушать и сделать какие-то свои выводы... Дамы и господа, леди и джентльмены, мы, к сожалению, не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем, какие выводы делает мистер Гальпурге, прослушав очередную лекцию!

В зале послышался смех.

– Но не будете ли вы вынуждены, жалкий ретроград, после всех ваших молчаливых прослушиваний и протестов, согласиться со мной?!..

Было ясно, профессор вовсе не собирался продолжать в шутиливом тоне. Моё относительно спокойное эмоциональное состояние сменилось внушаемостью, подавленностью, боязнью. И по моему ощущению, все, кто находился в зале, об этом тут же догадались.

– В том, что нашему Вильскому парку недолго осталось быть заброшенным!.. В том, что у него, как и у нашего города в целом, скоро будут гости из самых разных стран, и не только стран... сюда будут прилетать с самого Далмака! В том, что наш парк – производитель непостижимых чудес!.. Неввввероятнейших чудес! Затмевающих собой даже волшебство Далмакских Аллей, эти художества в духе модернизма, интерес к которым, между прочим, уже начал ослабевать, – хотя – какой драматизм! – совсем ещё недавно в это никто бы не поверил!

Спокойное выражение лица профессора (и это притом, что только что он был чрезвычайно эмоционален), не обращённый ни на кого конкретно, сияющий минорным торжеством взгляд – в совокупности с пылкой речью вызвали у публики многочисленные возгласы одобрения.

«И даже случись чудо, для меня оно ничего уже не изменит» – прошло в моём затуманиваемом сознании.

Хотя, если задуматься, то, о чём сказал мистер Рольпер,

в другой ситуации напротив, могло бы вызвать во мне столь долгожданное чувство оптимизма. Меньше всего на свете я ожидал услышать из его уст нечто подобное, поскольку – в отличие от большинства студентов – не относил профессора к числу страстных охотников за чудесами. По моему мнению, он напротив, искал доказательства того, что никаких чудес не существует, либо, если это ему не удавалось, пытался лишить их смысла. Почему я так считал? Подумайте сами: как может его пессимистическая теория уживаться с верой в чудеса? Для тех, кто незнаком с теорией, расскажу вкратце: она основывается на том, что разумная жизнь во Вселенной это, так сказать, на мгновение сфокусированный взгляд Бесконечности, некая схематичность, или определённость, возникшая в результате бесконечной хаотичной или вероятностной череды вселенских событий; а что касается вечной и светоносной души, то, будучи просто тончайшей нитью материи, она не разумна и беспамятна, и наши разум и чувства имеют к ней примерно такое же отношение, как картина, висящая на стене, к фундаменту дома. «Попробуйте напрячь взгляд, всмотреться во что-либо» – говорил на одной из лекций профессор Рольпер: «Вы очень скоро почувствуете, что ваши глаза устают, вам захочется расслабить их. Мгновение фокуса Бесконечности, мгновение разумной жизни в этом фокусе со всеми возможными иллюзиями, которые по праву возникают в результате Вероятности самой природы... мгновение... а затем распад, постепенный, долговременный

распад». По его мнению, человеческая жизнь имеет приблизительно тот же смысл, с которым мотыльки, бьются о светящийся фонарь. «Мы все рождены в этом случайно выстроенном фокусе Бесконечности» – говорил как-то он: «И мы бьёмся, чтобы просуществовать в нём как можно дольше. Преодолеваем невзгоды, взываем к разуму и чувствам, стремимся любить и созидать. И делая это, превращаем жизнь в искусство. Возможно – да, это не исключено, – что, благодаря любви, великому желанию быть душа дольше пробудет с нашим сердцем и разумом. Возможно, этот едва заметный в объективе Вселенной танец жизни таким образом продляет собственное существование». Вот только мистер Рольпер ничего не сказал о том, что жить, пребывая во тьме, проще, что можно просто наслаждаться – кто умеет, – вместо того, чтобы тратить время на внутренний поиск, приносящий человеку порой больше страданий, нежели радости.

Обнаруженная профессором вера в чудеса могла быть на самом деле игрой, – такой, которую он вёл с целью покончить с историей заброшенного парка, или такой, которая в большей мере забавляла его, как ребёнка, тешила его самолюбие. Или, всё-таки, это была игра, которая поглощала его... не только как учёного, но и как человека искусства?

Должен признаться, все эти мысли пришли ко мне до, либо после описываемого действия, – поскольку во время его я был слишком скован, вернее даже подавлен для того, чтобы спокойно всё осмыслить. Причин тому было немало...

Люди, которые сидели со мной в первом ряду, повернулись ко мне в ожидании ответа. Чей-то взгляд словно добивался от меня признания вины, одному ему известно какой, чей-то выражал явное удовольствие – оттого ли, что я оказался в столь незавидном положении?.. По-моему, в нём угадывалось нечто большее: это был взгляд полоумного, коему явилось откровение природы. А кто-то, найдя во мне родственную душу, толкнул меня в бок и сказал:

– Забавная же у тебя фамилия, парень! Гальпурге... это, стало быть, что, галька и пурга?.. Жуть, как глупо и бессмысленно! Должно быть, и то, что ты делаешь, в большинстве своём выглядит так же! Ну, да что нам! Как говорится, дуракам море по колено! Пусть себе делают, что хотят, верно? А мы будем расслабляться, и получать от этого кайф!

После чего протянул мне руку и представился:

– Аллен Хартер, искатель смысла в бессмыслице!

Я автоматически пожал ему руку. Расслабиться и получать кайф в подобной ситуации – это было точно не обо мне. Моё тело начало трясти, нервная судорога свела шею, так что я не мог повернуть голову.

– Жалкий ретроград!!! – раздался, вдовавок ко всему, отчего-то вдруг полный негодования (или, может быть, я не расслышал сожаления) возглас профессора.

И пока зал поддерживал его бурными овациями, я мысленно приближался к тому, чтобы тоже удостоится откровения природы и с величайшим чувством, отнюдь не востор-

женным, принять его.

Впал бы я в безумие или потерял сознание, или, может быть, умер... К счастью, я до сих пор не знаю, как такое возможно... как возможно, что люди выходят за грань разума. Ведь какая-то часть меня, чтобы не происходило, всё равно остаётся в стороне и безучастно наблюдает за чередой событий. Должно быть, я достиг своей крайней точки, после чего из роли жертвы стал возвращаться в роль наблюдателя.

Я попытался повернуть шею, но судорога всё ещё сводила её. Значит, мне было не всё равно, что происходит. С трудом поднял голову и посмотрел на профессора, которому, как отметил краем сознания, я уже перестал быть интересен. Не предав, однако, значения этому наблюдению, решился на рискованный шаг.

– На твоём месте я бы этого не делал, – по-дружески предостерёг меня Ален Хартер, который увлечённо рисовал что-то в своём планшете.

Но я уже встал. И просто сесть после этого, почему-то, посчитал невозможным. Вдобавок, своими действиями мне хотелось сказать Хартеру, что он ошибался насчёт меня... что я вовсе не дурак.

– Насколько мне известно, мистер Рольпер, вы ещё ни разу во время ваших лекций не упоминали Вильский парк. Как будто умышленно обходили эту тему стороной... И раз уж вы сейчас её затронули, мне бы хотелось задать вам вопрос, который, наверняка, волнует многих в этом зале: какова цель

ваших наблюдений за таинственными явлениями? И... каково ваше истинное отношение к ним?

Я был почти доволен собой. Мне удалось преодолеть страх и неуверенность в себе, благодаря чему и речь получилась, хотя и краткой (по моему ощущению, конечно, совсем наоборот), но довольно стройной. На миг я почувствовал, что оказался на шаг впереди всех. Вот только профессор в это время вёл с кем-то разговор в стороне и, вероятно, не слышал того, что я говорил, а тишина, наступившая в зале за мгновение до моего встречного обращения к нему, явно затягивалась, – и уже дала мне новый повод для беспокойства. Если до сих пор загадочное поведение профессора и лиц, находящихся в зале, я принимал как должное, то теперь я точно проснулся: вокруг меня происходило что-то странное, нереальное.

– Вы хотели что-то сказать, мистер Гальпурге, но, пока волновались и думали, упустили момент? – раздался голос профессора – но не снаружи, а внутри меня, так как в ту минуту я мысленно перенёсся в иное место и время.

Это было в деканате. Мистер Рольпер неожиданно обратился ко мне, как к лицу безмолвно присутствующему при его разговоре с мистером Харрисом, нашим преподавателем астрофизики.

– И сейчас вы гадаете, стоит или не стоит сказать то, что вы хотели, ведь мы говорим уже о другом. Вы надломлены, Гальпурге! Надломлена ваша гордость! Ваше самолюбие ни-

как не может получить свободу, вы привыкли затаптывать его. Всякий раз вы вынуждены говорить себе: внешний мир бежит гораздо быстрее такой черепахи, как вы. И, упуская возможность гордиться собой, вы спотыкаетесь о жалость к себе. В чём ваш страх? Бойтесь показаться жалким, смешным? Поскольку патологически неспособны выражать свои мысли вслух также красиво, как иногда делаете это про себя. Увы, ваша персона, которая занимается здесь тем, что истязает себя попытками снискать учёную степень, обзавестись вожделенными и незнакомыми доселе уважением и гордостью, лишь напрасно растрчивает своё и чужое драгоценное время. Если хотите следовать мечте, профессия уборщика или подсобного рабочего вам подойдёт больше. Отдаваясь работе физически, вы сможете гораздо ближе подойти к себе, чем то жалкое существо, что домогается места в почётном обществе.

– Однако странно, что вы можете говорить, – вернул меня в настоящее всё тот же голос профессора, который на этот раз прозвучал в зале. – И очень жаль, что так поздно это выясняется, – потому как за долгие месяцы вашего молчания – замечу, между прочим, напряжённого молчания, которое вы сами жаждали прервать – за вами закрепилась довольно дурная репутация.

Чего больше вы хотите, получить ответы на волнующие вопросы, или изменить мнение окружающих о себе?

Что ж, это было не самое худшее из того, что я мог услы-

шать. И, вероятно, ответ я адекватно профессору, всё бы закончилось. Туман иррациональности рассеялся бы, всё вернулось бы на свои места. Но... вот почему я пишу этот рассказ...

Только я встал, чтобы ответить, как в зале померк свет. На что публика отреагировала довольно неожиданно: всеобщее протяжное «У» явно выражало восторг. Бросив взгляд в окно, за которым сгущались сумерки, я увидел, что над залом медленно и в разных направлениях растягиваются тонкие серебристые струи некоего дыма. Вероятно, при включенном свете они не были заметны. Что же это могло быть? Ответ знал Ален Хартер...

– Одного верного шага, одной маленькой победы над собой недостаточно, приятель, когда вокруг тебя творится безумие. Вот разум загорелся, а вот «оп!», и он снова погас! – сказал он мне и, расплывшись в ухмылке, показал планшет. На нём был изображён туман, а сквозь него вырисовывалось жуткое паукообразное существо. – Однако, хочу между прочим заметить: он выбрал тебя!

– Что это значит? – спросил я, предвидя, впрочем, что искатель смысла в бессмыслице не ответит мне ничем другим, кроме как ухмылкой.

А тем временем в зале загорелся прожектор. И я буквально застыл, увидев в его свете мистера Рольпера, – он выглядел так, будто присутствовал на похоронах... Причину этой резкой перемены профессор тут же раскрыл:

– Можете ничего не отвечать – в этом, увы, нет смысла. Вы больны шизофренией, мистер Гальпурге, вы... глубоко больны.

Тихо прозвучавшие слова для меня были подобны грому. Скажу больше: я действительно услышал гром, – только это были оглушительные ноты музыки, секундный фрагмент некой драматической симфонии. Прозвучав в моей голове, он словно ознаменовал переломный момент жизни. Ноги резко ослабли, и я упал в кресло, а из кресла – что явно выходило за грань реальности – некая сила стащила меня на пол...

– Крайне неуверенный в себе, нетемпераментный и нерешительный, к тому же и не выделяющийся каким-либо умением студент – переросток... Кто скажет, какие могут быть причины на то, чтобы в современном экстравертном обществе, где создаются все условия для развития здорового и целеустремлённого индивидуума, сформировалась такая чудовищно интровертная и заторможенная личность, как мистер Гальпурге?..

«...галька и пурга...» – отозвалось глубоким эхом.

– Или, кто знает, мои дорогие, быть может, природа этого молодого человека хранит в себе некую тайну?..

– Это сущая нелепость! Какая тайна?! Любой, даже самый совершенный конвейер выдаёт процент брака. Просто сей джентльмен увяз в своём внутреннем болоте, и не видит другой возможности, кроме как с опаской идти дальше через

это болото. Печальный случай, профессор, – отчасти скептически, отчасти с юмором высказался кто-то.

«...Жуть, как глупо и бессмысленно...» – тонуло эхо во мне.

В зале наперебой зазвучали другие высказывания и смех. – А между тем, мистер Гальпурге мнит себя писателем и начинающим учёным, – продолжал профессор. – Он по опыту знает, что такое творческий экстаз, – стоит, впрочем, заметить, это отнюдь не мешает ему заниматься самоудовлетворением, в том числе и после пребывания в подобном состоянии. Кому-то это покажется невероятным, но так действительно бывает: одухотворённая личность и законченный извращенец могут уживаться в одном человеке.

В зале послышался смех и крики ликования.

Но как раз в это время до меня дотянулись те тонкие серебристые струи дыма, о которых я сказал выше. Я увидел их перед собой, вдохнул их необычный, чуть сладковатый аромат... и моё падение во внутреннюю бездну прервалось. Мои мышцы начали расслабляться...

– Вопрос в другом: как они уживаются? Мирная ли это жизнь или бесконечные попытки выжить друг друга? Дружья мои, опуская знак вопроса, мы можем сказать, что в этом и кроется причина болезни.

Чувствуя в себе определённый потенциал, человек, как правило, стремится его раскрыть. Но как это сделать, если он находится в «дремучем лесу»? Что происходит, когда он

зажигает свечу и видит это? В нём пробуждается тень, а, следовательно, и страх перед нею, начинается борьба. Наш молодой человек не желает находиться в дремучем лесу, или утопать в болоте (в своём сексуальном желании, не находящем истинной цели), как кто-то только что сказал, а дремучий лес, или что угодно иное, символизирующее внутреннюю тьму, не желает отпускать нашего молодого человека. Бессмысленно рубить ветви в надежде расчистить себе дорогу – ибо лес огромен, человеческой жизни недостаточно, чтобы через него пробраться. Столь же бессмысленна, дорогие мои, и борьба с тенью. Перед нами живой пример того, к чему она может привести. Отчаяние... а затем и безумие!

Мои мышцы были совершенно расслаблены, тело ощущалось, как грубая кора, которую и при очень большом желании я не смог бы привести в движение. Но такого желания или, вернее, потребности у меня не было. Мне было всё равно, что происходит с моим телом... Может быть, впервые в жизни мне было совершенно всё равно, что вокруг меня происходит и что обо мне говорят.

С глубоким расслаблением возникло чувство эйфории и дезориентации в пространстве (я перестал отчётливо сознавать не только где я, но и в какой позе нахожусь). В то же время внешний мир укрылся непроглядной серой пеленой, – что, впрочем, не вызывало у меня беспокойства.

Голос профессора я слышал по-прежнему отчётливо,

только теперь как будто вдалеке.

– Разрываться внутренними противоречиями, отягощаться чувством собственной ущербности, вины, быть замкнутым, угрюмым, неловким, но при этом тайно состязаться с другими, считать себя избранным... Можно добавить к этому массу всего прочего. И это всё про вас, мистер Гальпурге! Вы глубоко больны и как таковой совершенно не интересны обществу, вас для него попросту не существует!

На фоне серой пелены бесшумно возникло то самое паукообразное существо, которое изобразил на своём планшете Алэн Хартер. Только оно не выглядело таким уж жутким, – ведь что может быть ужаснее меня?..

– Наверное, ты и есть моя тень, воплощение того, что я хотел в себе уничтожить, – с чувством отрешённости обращался я к нему. – Профессор Рольпер прав: все мои усилия напрасны. За те годы, что я вёл борьбу, я нисколько не изменился, не стал лучше. Мне тебя не одолеть... и, возможно, в этом просто нет смысла... Я сдаюсь, можешь делать со мной, что хочешь, хоть забрать в ад, если он существует. В этом мире мне всё равно нет места.

– Что ж, это было небольшое отступление. А теперь, друзья мои, я предлагаю вернуться к сегодняшнему лекционному материалу, – звучал голос профессора Рольпера. – Гм... у

меня есть для вас в некотором роде сюрприз. Хочу представить вам нашего сегодняшнего гостя, моего коллегу по работе профессора Лео Фицхельма.

Аплодисменты.

– Леди и джентльмены, дамы и господа, чрезвычайно рад видеть Вас в этом зале!

Как давно известно, всякое физическое тело, – а также и всякий орган его, если речь идёт о живом физическом теле, – имеет своё звучание. Сегодня я представлю Вам одну из последних научных разработок, устройство, которое раскроет перед нами звуковую карту вселенной человеческого тела и тем самым... тем самым, быть может, приблизит нас к ответу на один из важнейших вопросов, которые когда-либо вставали перед человечеством: что такое душа. Душа – это кит?.. или медуза?..

Для этого эксперимента у нас – так уж получилось, благодаря откровениям профессора Рольпера – есть пребывающее в глубоком покое тело молодого человека. Не беспокойтесь, эксперимент настолько тонок, что молодой человек ровным счётом ничего не почувствует.

Друзья мои, в ходе тысячелетий научных изысканий возникло множество идей и теорий, множество вопросов и ответов, причём ответы всегда порождали и, по всей вероятности, будут и далее порождать вопросы. Что говорит с одной стороны о неисчерпаемости источника, из которого все наши идеи и теории рождаются, а с другой стороны о неустанной,

стимулируемой жадой приблизиться к истине, наполнить свою жизнь определённой, работе человеческой мысли. Тысячелетия философских и научных изысканий... а вместе с тем, разумеется, и противостояния идей и теорий. Безусловно человеческому разуму такое противостояние необходимо – благодаря ему он более функционален и продуктивен (как говорится, в споре рождается истина), и, в то же время, оно вполне может показаться наивным, поскольку бесконечность споров (возьмём к примеру несогласие друг с другом материализма и идеализма) явно говорит о наличии истины и с той, и с другой стороны.

Было время, когда учёному сообществу казалось, что идеалистические идеи и теории навсегда остались позади. Не правда ли, наивно было в это верить, ведь мы давно должны были привыкнуть к вечному перетягиванию каната (ударение на слове «вечном»)? Естественно, потом наступил период, когда всё тому же учёному сообществу стало казаться обратное. Опытное подтверждение феноменов экстрасенсорики, теории реинкарнации, и многого другого, наряду с развитием квантовой механики, теории струн, полностью изменили и продолжали изменять наши представления об устройстве Вселенной.

Душа вновь возвращалась из мифа в реальность.

Но то были только первые шаги в микромир, который и сегодня поражает нас своей вероятностью. И после того, как вопросы о существовании души, сверх способностях

человека, потусторонней реальности и прочие были сняты (возможно, раз и навсегда) настало время рассмотреть этот удивительный микромир, проникнуть в суть таких понятий, как душа, вечность, иная реальность, либо реальности, понять, насколько эти понятия соответствуют нашим представлениям о них.

Углубляясь в изучения микромира, наука всё больше сталкивается с Вероятностью (есть такая старинная поговорка: чем глубже в лес, тем больше дров) и всё меньше находит поводов говорить об Определённости. Но что это означает? Это означает то, что относящиеся к нему понятия, возможно, были миражами и сейчас начинают растворяться. Мы вновь возвращаемся к философскому перетягиванию каната, древнему антагонизму материализма и идеализма. Мы выяснили, что душа существует, но какое отношение она имеет к нам, к нашей человеческой личности? Разумна она, или элементарна? Мы выяснили, что мы бессмертны, но кто или что именно бессмертно, и что такое бессмертие? Мы выяснили, что существует множество измерений, но как следует их определять: как реальные, или, скорее, как фантомные? Похоже, наше сознательное погружение в микромир – это процесс обратный бессознательному развёртыванию микромира в макромир. И тогда впору задаться вопросом: не является ли то, что мы пытаемся в нём найти, неразумным зародышем того, что существует по эту сторону микроскопа? Разумеется, это так. Однако вопрос теперь зву-

чит несколько иначе: не является ли истинной реальностью та, которая наиболее уплотнена, то есть реальность, в которой, собственно, и живём мы с вами, поскольку ей в большей степени свойственна Определённость? Не является ли истинной душой Вселенной тело-разум, то есть мы с вами? И искрою вечности наша короткая земная жизнь?..

Друзья мои, если искомый нами кит окажется чем-то вроде медузы, это будет означать лишь то, что подлинные киты – мы. Это приведёт нас к старым добрым истинам: нужно ценить и любить то, что у нас есть, мы живём в этом мире ради любви, и перед ней не должно быть никаких границ. Не правда ли, отвечая столь простым и понятным образом на столь сложные вопросы мироздания, мы ощущаем, что расстаёмся с иллюзиями, обнажаемся и предстаём перед этим бесконечным и многообразным миром в своём естестве, что наделяет нас красотой и желанием любить.

На этом, позвольте, я завершу небольшое предисловие. Настал черёд уделить внимание нашему научному эксперименту.

Рядом со мною по-прежнему было таинственное паукообразное существо. И больше никого и ничего я не видел. Мы шли, не ощущая под ногами тверди, сквозь непроглядную серую пелену. Что скрывается за ней? Или, может быть, она никогда не исчезнет?.. На самом деле эти вопросы меня почти не заботили. В бесцельном, но совершенно необремени-

тельном путешествии, казалось, могла незаметно пролететь целая вечность.

А между тем далеко, за пределами окружающей нас пустоты продолжал раздаваться голос:

– Друзья мои, вслушайтесь в это самый главный звук жизни! Сейчас мы слышим его так отчётливо, как никогда! Поистине, это не просто стук! Кажется, что работает какой-то невероятно сложный механизм, который мы даже не в силах себе вообразить!

Пустота наполнилась биением сердца, – и оно тоже билось где-то далеко...

– Теперь мы уберём его, чтобы услышать, как звучат другие органы тела.

Но прежде... прежде, конечно же, вот это! Так шумит кровоток! И так течёт наша жизнь! Здесь, в этой внутренней реке рождаются наши желания и стремления! И я уверяю вас, никаким философским умозаключениям и мрачным пророчествам не остановить эту реку, – поскольку нет на свете большей силы, чем желание быть, которое она в себе несёт!

Вместе с восклицательной речью оратора до меня попеременно доносились разные загадочные звуки. С ними мой

путь начал обретать смысл. Я точно пробудился – во мне возникло намерение узнать, что находится по ту сторону пустоты.

– Я не знаю, кто ты, – обратился я к своему таинственному спутнику, – куда и зачем мы идём, но... хочу узнать. За этой пеленой – я верю – нас что-то ждёт. Пусть даже это будет последнее, что я увижу...

– И как вы можете сами догадаться, чем сильнее, чем звонче звук, тем больше в нас жизненной силы. Уже сегодня, основываясь на звучании органов тела, врачи и психологи могут делать заключения о физическом и духовном здоровье. Поскольку оно отражает качество нашей жизни, то может подсказать нам, всё ли мы делаем правильно на своём жизненном пути; помогает ли нам та либо иная процедура, то либо иное психологическое воздействие.

А сейчас, с вашего позволения, я заглушу все звуки. Как будто выключу свет...

Дорогие мои, мы находимся в крошечной темноте внутренней Вселенной. Но и из неё продолжающее работать на полную мощность оборудование доносит до нас звук. Забудьте на время и вслушайтесь в него... О чём он может нам поведать? Если всё, что мы слышали до этого, было трепетом внутренних струн, бьющей в нас энергией, то от того, что мы слышим сейчас, веет холодом. Что это? Гул чёрной дыры? Леденящее дыхание космоса? Какое ещё можно дать этому

название?.. Но как бы мы не называли, похоже, ясно одно: в этом нет души.

Итак, мы возвращаемся обратно. Совершив удивительное путешествие во внутренний мир, хочется сказать... мне лично хочется сказать вам следующее: душа там, где жизнь бьёт ключом, она здесь снаружи, а не где-то там, глубоко внутри... Наши чувства и ощущения, наши наслаждение и боль, наши тело и разум, находящиеся в неразрывном единстве друг с другом, – есть подлинная и искомая нами душа. Это так просто... но сделать такое признание, значит признать бренность души, а как признать её бренность, если человек – в силу своей духовности, в силу своего экзистенциального желания быть – верит, либо хочет верить в бессмертие?..

Пелена стала превращаться в яркий свет. А затем внезапно исчезла. Первое, что я увидел, и первое, что вспоминается мне сейчас, когда я думаю об этом, – летящие по небу облака... Как будто это были вовсе не облака, а время, столетия. А под ним простирался наш мир. И он тоже был не совсем обычен...

Мне казалось, я вижу сон: десятки или, может быть, сотни людей проходили мимо нас, не замечая ни меня, ни моего таинственного спутника. Все они были красивы, выглядели молодо. Их внешность излучала блеск, блестели их лица и глаза. Как подсказывало мне моё ощущение, я оказался на каком-то великом празднике, возможно, на празднике самой

жизни. «Что это значит?» – спросил я себя. Но стоило лишь взглянуть мне на своего таинственного спутника, как часть ответа нашлась сама собой.

– Мы с тобой не имеем к этому празднику никакого отношения, ведь так?.. Эти люди отличаются от меня тем, что у них нет тебя. Похоже, в них нет никаких противоречий... нет противоречий и горечи тоже нет. Должно быть, мир, который мы видим, просто идеален. Это наше будущее! Остаётся лишь понять, реальное оно или воображаемое... Или, может быть, грань между реальностью и воображением растворилась, и одно от другого уже не отделить?..

Мы шли сквозь людскую массу, словно по живому тоннелю. Впереди в ореоле света выростала фигура оратора. Она стояла за огромным в форме радуги столом, а вокруг стола сидели люди.

Этот человек – не Лео Фицхельм, но голос и речь его почти те же, что и у профессора.

– Однако наше путешествие в микромир не было напрасным! Нам удалось увеличить продолжительность жизни, избавиться от старения, всякого рода недугов! И уже не за горами время, когда человечество окончательно обретёт свободу, то самое бессмертие, к которому оно стремилось! Друзья мои, иллюзии о вечной жизни в потусторонних мирах, которые, несомненно, были как воздух необходимы нам прежде, сменяются реальностью вечной жизни в сконцентрированном физическом мире!

Так вот о чём говорит цветущая внешность этих людей! В будущем, вероятно, не столь уж и отдалённом, человечество, преодолев все невзгоды, обретёт желанный рай на Земле, либо, если Земля к тому времени придёт в негодность, на колонизированных им планетах...

– Значит, это всё правда, – обратился я к своему спутнику, – то, что говорит профессор, правда. Смерть всегда была нашим врагом, как мы ни старались её украсить. Жизнь по ту её сторону – есть лишь медленный распад, угасание, сон подлинной жизни, прожитой здесь, в этом мире... Значит, правда... прожитые мною годы – бессмысленная борьба и скитания, поиск несуществующего света во внутренней тьме.

От переполнивших меня чувств я разрыдался.

Люди шли мимо нас, а мне представлялось, что это река течёт мимо вросших в берег камней. Или, может быть, это время уносит нас обратно?.. Так или иначе, я увидел всё, что должен был увидеть, и теперь остаётся лишь вернуться назад. Вот-вот видение рассеется, и я очнусь в зале университета, где лежу на полу перед несколькими сотнями человек. Я открою глаза, и мне по-прежнему будет не всё равно...

Но видение не покидало меня. Рядом со мной взволнованно зазвучал чей-то женский голос. Он как будто обращался ко мне:

– Я чувствую, что замерзаю... Прошу, растопи мой лёд! Может быть, скоро уже нельзя будет его растопить – не бу-

дет самого желания сделать это. Прошу, пока не поздно... Наверное, я сошла с ума, но хочу жить так, как жили мои предки, – жить и умереть! О, да, жить! А потом – умереть! Как ни странно, это вдохновляет, – только это теперь и вдохновляет... Быть подвластной времени, ощущать перемены. Прошу, согрей меня...

Мы думаем, что побеждаем смерть, а на самом деле мы превращаем её в коварного врага, который будет убивать нас на расстоянии. Страх перед ней всё равно продолжает жить в глубине нас. Может быть, скоро и страх исчезнет, но будем ли мы тогда ещё живы?

Я поднял голову, встал на ноги и ещё раз посмотрел вокруг. Люди, все как один, молоды и красивы. Но на этот раз их красота показалась мне неестественной. Может быть, так только показалось. Я подумал: «Если мы создадим такой мир, в котором время и смерть не будут больше властны над нами, то почему же при этом мы не сможем избавиться от холода и страха?» Блеск внешности вместо сияния глубины... проглядывающая сквозь внешнюю красоту внутренняя пустота... Или я лишь тешу себя иллюзией? Просто не могу до конца смириться с правдой, которая прозвучала из уст оратора?.. А смириться не могу потому, что в изображённом им мире мне не занять уже достойное место... река жизни течёт мимо меня, а не я, подобно другим людям, плыву по ней.

Я смотрел вдаль и видел: мир как будто разделён на две половины; на одной половине – люди и всё, что создано ими,

а на другой – пустошь, ничего нет, лишь монотонный, ничего не означающий гул доносится оттуда. Это она навевает людям страх и холод. И чем дальше они уходят от неё, тем сильнее её воздействие на них.

Тот же женский голос сказал:

– Покидая этот мир, смерть уносит с собой и любовь. А без любви в нём делать нечего.

А затем вновь призывно зазвучала речь оратора:

– Исходя из того, что всё – не исключая наши высокие чувства – есть Иллюзия, мы, человеческие существа по своей сути являемся намеревающимися создателями Иллюзии. Однако историческая правда заключается в том, что до недавнего времени мы являлись скорее её рабами, кто-то в меньшей, а кто-то в большей степени. Наши жизни были коротки, наши возможности ограничены. Наша общей экзистенциальной мечтой было жить в реальности, подобной управляемому сновидению, в которой исполнялись бы любые наши желания... жить беззаботно, всегда имея возможность открыть для себя что-то новое. Таким нам представлялся рай, – и он был отделён от нашего мира, как грёзы от реальности. Ведь как возможно было этого достичь? Как возможно было превратить наше тягостное земное существование в райскую жизнь? Большая экзистенциальная мечта в сердце каждого человека разбивалась на маленькие мечты – чтобы он мог чем-то утешаться и с верою идти в будущее.

Мы не зря шли. Физическое бессмертие и высокие техно-

логии позволят нам воплотить её в жизнь. Сегодня мы близки к тому, чтобы, не покидая земных границ, выйти из-под власти времени. Оглянитесь вокруг! Этот мир полностью создан нами! Мы стоим в начале бесконечного пути!

Люди шли туда, куда звал их оратор, погружались в яркий свет и в нём исчезали.

– Мы с тобой, возможно, никогда не узнаем, что за тем горизонтом, – сказал я своему спутнику. – Нам – в другую сторону...

Если всё есть Иллюзия, может ли быть в чём-то подлинный смысл?.. Вопрос о душе – это вопрос о Вселенной. Жива Вселенная или мертва. Если мертва, то, что бы мы ни делали, рано или поздно превратимся в камни, всё закончится. Но если жива, нам вовсе не нужно искать бессмертие – оно у нас и так есть.

Как только мы двинулись в путь, вокруг нас вновь начала сгущаться серая пелена. Но потом она неожиданно растаяла. Я увидел – и не без грусти воспринял, – что мой спутник исчез, а я стою один посреди заросшего бурьяном поля.

Получилось так, что, ступив на пустынную, покинутую людьми территорию с мыслью, что встречу на ней лишь холод и тьму, я словно пронёсся сквозь неё и оказался в обычном мире, где, впрочем, тоже не было ни души. Что это за место и почему я в нём оказался? По футбольным воротам, что стояли по обе стороны поля, и знакомым деревьям, растущим за ним, я понял, что это заброшенный Вильский парк!

Почему-то передо мной сразу ожили мои детские воспоминания. Они перенесли меня в ту часть парка, где находятся аттракционы.

Праздничный летний день. Народ рекой стекается в парк, наполняя его звонкими голосами и смехом. А навстречу ему идут гигантские люди на ходулях, чья размеренная походка и пронзительные взгляды с высоты возбуждают воображение. Выше них только безоблачное небо (которое, впрочем, кажется совсем близким) и бесконечно вращающийся Сатурн.

Но потом я увидел нечто никак не связанное с воспоминаниями.

На сцене, где должен был располагаться оркестр и откуда доносилась музыка, стояли четверо молодых музыкантов (два парня и две девушки) – держа в руках музыкальные инструменты, но не играя на них. Они точно чего-то ждали. Я посмотрел вокруг. Только что меня окружали люди, теперь они все как один отделились, вместе с ними отделилась и праздничная мелодия, и сам праздничный летний день.

Впрочем, я не остался один. В десяти ярдах от меня находился ещё один человек. Среднего роста, слегка сутулый седовласый джентльмен со строгим, задумчивым лицом... я сразу же узнал в нём профессора Рольпера. Он стоял также неподвижно, как и молодые люди на сцене. Всё его внимание было направлено на них.

К четверым музыкантам вышел пятый (юноша лет шестнадцати) и занял место у микрофона. Вероятно, они ждали

его. Но как только он вышел, праздничная мелодия затихла. День, который вызвало к жизни моё воспоминание, полностью растворился. А сцена стала старой и заброшенной, как и сам парк.

Небо затягивалось тучами, дул холодный ветер, летели листья, – хотя ближайšie деревья находились довольно далеко. Юноша держал перед собой несколько исписанных страниц и медленно по одной выбрасывал их – просто выпускал из руки, а ветер подхватывал и уносил вдаль. Было ясно, и микрофон и музыкальные инструменты будут и дальше молчать, на сцене не произойдёт никакого другого действия. Ожидание этих молодых людей не закончится.

Я посмотрел на профессора Рольпера. Он что-то произносил вполголоса, по всей вероятности, какое-то стихотворение. Отчётливо я расслышал только последнее предложение из него: «В годы нашей безумной Весны...» Одно предложение, – но казалось, оно вбирает в себя весь остальной текст. После того, как оно прозвучало, ветер унёс последнюю страницу. А затем на сцене появился мой недавний спутник – появился и тотчас же исчез. Вместе с ним исчез и юноша. Музыканты же стали растворяться, подобно призракам.

– В юности вы были поэтом... Что же произошло? – спонтанно обратился я к профессору. И с этой мыслью перенёсся обратно в актёрский зал, что отнюдь не стало для меня неожиданностью.

Перемена произошла плавно, почти незаметно. Вырос-

шая на фоне парка стена зала какое-то время была прозрачной – тучи по-прежнему плыли вдаль, – и когда под ногами очертился контур пола, листья всё ещё продолжали лететь. Профессор Рольпер стоял на том же месте и в тех же десяти ярдах от меня; выглядел точно так же, даже выражение его взгляда не изменилось (хотя, что общего имеют между собой действия в заброшенном парке с тем, что происходит в зале?).

Я набрался смелости и тоже повернулся лицом к залу. И, как и чувствовал, увидел нечто, к чему не был готов: повсюду – на спинках кресел и на полу – лежит одежда; скопления обнажённых человеческих тел... Все студенты и учителя, за малым исключением, предавались оргии. Во мне тут же смешалось желание с отвращением. Что из них настоящее? С некоторой горечью я вынужден был признаться себе: первое велико, – оно, безусловно, настоящее; тогда как второе – защитная позиция ума, обусловленная моим прошлым. Но, может быть, всего этого не происходит? Может быть, я всё ещё вижу сон?..

В памяти возник образ профессора Лео Фицхельма. Где же он? Он по-прежнему находился за трибуной, только теперь, как и его коллега, просто наблюдал за происходящим. Лицо его было одновременно умилённым и задумчивым. Я подумал: «Не такие мы и разные, чтобы быть непримиримыми».

Взгляд мистера Фицхельма остановился на мне, и до меня

донёлся вкрадчивый вопрос:

– Что или кого вы здесь ищите, Вил?

– Я ищу ту, которая обратит на меня внимание, – не раздумывая, ответил я, и сам поразился своему ответу.

– Тогда почему бы вам просто не снять с себя одежду?

«Вы не можете на это отважиться, Вил? Вы стыдитесь самого себя?», – так бы это прозвучало из уст профессора Рольпера, – но его коллега был более мягким человеком, и дал дружеский совет.

– Тем более, что вам уже нечего скрывать...

Наш диалог (реальный или воображаемый) прервало обращение профессора Рольпера к залу:

– Друзья мои, вы уяснили суть нашей сегодняшней лекции. Всем огромное спасибо! Все свободны! Кто-нибудь, будьте любезны, включите свет!

Загорелся свет, и – словно его зажгли специально для меня – я тотчас же открыл глаза. Теперь это точно был не сон. Однако... надо мной склонилось прекрасное женское лицо, что прежде могло быть только во сне.

– Боже, вы всех перепугали! – слегка взволнованно прозвучал её голос. – Если так серьёзно ко всему относиться, недолго и с ума сойти!

Её рука бережно приподняла мою голову. Взгляд мой оказался на уровне её груди, и я – хоть это было для меня не важно – обратил внимание на то, что все пуговицы у неё на кофте застёгнуты.

– Постараюсь относиться ко всему проще, – невнятно, но зато с улыбкой проговорил я в ответ. – Могу ли я узнать ваше имя?

– Анна...

– Я – Вил. Должно быть, вы только что подошли ко мне... а у меня такое чувство, будто вы спасли меня...

– Понятно, почему у тебя такое чувство, приятель, – произнёс с усмешкой знакомый голос на заднем плане. – На самом деле она здесь вовсе не причём. Если кто-то сегодня и спас тебя, так это он.

Я принял сидячее положение и увидел – вместе с Анной – следующую картину: Ален Хартер помогает гигантскому пауку забраться в сумку.

– Его зовут Антуан! И он был рад знакомству с тобой! Давай дружок, давай... я знаю, ты такой медлительный оттого, что очень умный... Для меня немалая честь помогать тебе.

Мы с Анной переглянулись. Нам обоим показалось это странным и одновременно забавным.

Спустя три дня я получил от профессора Рольпера записку следующего содержания: «Здравствуй, дорогой Вильгельм! Я приходил, чтобы лично принести Вам свои извинения. К сожалению, Вы оказались в отъезде. Завтра я улетаю на Далмак, и мы с Вами уже не встретимся.

Далеко не всегда мои слова и действия достигают своей цели, порой мне кажется, что они приводят лишь к негатив-

ным последствиям. Там, в актовом зале я испытывал страх, страх от мысли, что причиняю Вам вред. Но в то же время... я ни за что бы ни стал разыгрывать этот спектакль, если бы не верил в Вас. Вы разумный человек, и, думаю, в тот вечер с Вами произошло нечто большее, чем то, что можно было наблюдать со стороны. Если это не так – значит я просто выживающий из ума старик. Но... я видел, как после всего Вы встали, как улыбнулись той милой особе, и мне кажется, для меня не всё ещё потеряно.

Счастливо оставаться, Вильгельм! Мы обязательно ещё увидимся. Рискну предположить, это случится тогда, когда история Вильского парка приблизится к своему завершению».

Эпилог

*Ты помнишь, однажды безумье
Свело нас под полной луной!
Я встал среди ночи в раздумьях,
Твоею пленясь красотой!*

*Как звезды тогда нам сияли
В безмолвной седой глубине!
Как юному взору сказали,
Что ты пробудилась во мне!*

*И ветры несли нас с тобою!
В целом свете мы были одни!
Я назвал это время Весною!
В Годы нашей безумной Весны!*

*Ты помнишь, как вскоре расстались...
О, разлука была так легка!
Я ушёл, ни о чём не печалюсь...
Разлилась между нами река.*

*Уходил я всё дальше с годами.
И в тоске уж не помнил тебя.
Поглощённый мирскими делами,
Я привык уже жить, не любя.*

*Дни за днями бегут. Неизменно
Разум бодр в холодной войне.
Жизнь проходит меж тем незаметно,
Иногда лишь ты чудишься мне.*

*Дуют ветры, и, даль застилая,
Тучи вечно плывут надо мной.
Я не вижу пути и не знаю,
Как вернуться на берег родной.*

Мне хотелось предать всё забвенью,

*Стать никем, обратиться в ничто.
Пусть покинет меня вдохновенье,
Разум рвенья лишиться своего!*

*Не вернуться в твои мне объятия –
Значит, незачем вовсе мне жить!
Мой успех – это было проклятье!
Без тебя я не мог победить!*

*Письма юности канули в лету.
Не настало их время тогда.
С мечтою и страстью поэта
Расстался я навсегда.*

*Вспоминаю забытые строки,
До сердец что хотел донести.
Ухожу с проторённой дороги,
Пусть не будет иного пути.*

*И с мечтой молодого поэта
Обращаюсь я вновь к тишине.
И в молчаньи не слышно ответа.
Но всё чаще ты чудисься мне.*

*О, небо, манящее в дали!
Мы встретимся снова с тобой!*

*Года, что безудержно мчались,
Пронеслись уж над синей рекой!*

Понял вдруг, что я только виденье!

Я – виденье твоей глубины!

Между нами одно лишь мгновенье!

Между нами всегда только сны!

Генрих Рольпер.

Конец.

Рассказ писался на протяжении нескольких лет. Последние изменения в него внесены в декабре 2019 года.

История Вильского парка

Пролог

(25 лет назад)

– Тед, Алан, скорее! Я только что разговаривал с Винном, он зовёт нас в парк, сказал, что собирается с мистером Джеффом сажать дерево! Особенное дерево! Мистер Джефф был бы очень рад, если бы мы тоже пошли с ним! – протараторил, подбежав к ребятам, Мэл.

– Ты чего такой возбужденный? Что необычного в том, чтобы посадить дерево? – скептически воспринял его новость Алан и, несколько раз ударив мячом об землю, немного рассерженно добавил: – мы тут, между прочим, уже полчаса

тебя ждём, ты куда пропал?!

– А почему оно особенное? – заинтересовался Тед.

– Да какая разница, почему?! Вообще-то мы собирались играть в футбол! – не понравилась его заинтересованность Алану.

– Вин сказал, это дерево мудрости, – ответил Теду Мэл и бегло взглянул на Алана.

– Слушайте, а не рановато ли вам сажать деревья мудрости? По-моему, это уже слишком!

– Что это значит?! – с ещё большим интересом спросил Тед, отчего Алан вздохнул и покачал головой.

– Когда оно вырастет, станет символом нашего детства и дружбы; посадив его, мы будем лучше помнить это время!

– Какая чушь, – буркнул Алан.

– Это ты сам додумал, или тоже Вин сказал? – спросил Тед.

– Вин сказал, – переходя из возбуждённого состояния в спокойное, выдохнул Мэл.

– Интересно, откуда Вин это узнал? Прочёл в глазах мистера Джексона? – с сомнением и иронией произнёс Алан. – Может быть просто Вин – большой фантазёр? А ведь он фантазёр, какого ещё поискать! Или, может быть, мистер Джексон, всё-таки, немного того?

– Прекрати, Алан, ты сам в это не веришь, – ответил ему на это Тед.

– Ладно, вы как хотите... – с долей грусти произнёс Мэл

и собрался уходить.

– Всю неделю не было погоды... Мы ждали, когда, наконец, сможем поиграть в футбол, – и, между прочим, договорились с парнями из соседнего двора! Как здорово, Мэл, что ты принёс нам такую новость!

– Мы ещё успеем поиграть, Алан, есть ещё время. Сходим ненадолго в парк, а потом вернёмся обратно, а? – попытался обнадежить друга Тед.

– По-твоему, это так быстро? Да это растянется до позднего вечера, можно не сомневаться, – несговорчив и хмур был Алан.

Тед ненадолго задумался.

– Прости, Алан, пожалуйста, я пойду с Мэлом. Мэл, подожди, я с тобой!

Глядя вслед удаляющимся Теду и Мэлу, Алан выдохнул:

– Чёрт с вами!

После чего бросил на землю мяч и ударил по нему так, что он перелетел через мальчишек.

– Да подождите вы! Мы же всё-таки одна команда...

Глава 1

Иллюзии на смену чудесам

С того памятного вечера, необычные события и детали которого я отразил в рассказе «В годы нашей безумной Весны», прошло более двух лет.

Большую часть этого времени я был вынужден уделять учёбе, – ибо в противном случае мог быть исключён из университета за неуспеваемость, что, к большому моему сожалению, подтвердило бы пророчество некоторых моих преподавателей. Относительно немного его оставалось на личную жизнь, которая стала интересней и разнообразнее с появлением в ней умной и очаровательной девушки по имени Анна, и ещё меньше – на одинокие прогулки по окрестностям Вильского парка, которые в часы внутренней неопределённости по-прежнему были необходимы мне, как воздух.

Многие читатели наверняка уже задались вопросом, что подтолкнуло меня вновь обратиться к мистической и ныне волнующей почти всех жителей нашего города теме. Вероятно, я кого-то разочарую, но это отнюдь не загадочные явления и не истории людей, с ними связанные. На фоне того, что парк обретал всё большую популярность, и молва о нём летела по всему свету, я неоднократно задавался абсолютно необоснованным, казалось бы, вопросом: что может вскоре произойти такого, что из знаменитого сделает его вновь заброшенным? Пожалуй, именно это, не дающие мне покоя сомнения и привели недавно к тому, что я во второй раз стал персонажем событий, значение которых в истории Вильского парка сложно будет переоценить. Впрочем, судить об этом Вам.

Ещё несколько лет назад многие из нас, простых горожан едва ли бы поверили в то, что наш заброшенный парк од-

нажды станет настоящей сенсацией и привлечёт к себе не меньше внимания, чем знаменитые, поражающие человеческий род своими откровениями Далмакские Аллеи. А между тем, этого следовало ожидать. После публичных заявлений по поводу «таинственных явлений» профессора Рольпера, относящегося к числу деятелей Верховной Академии, можно было вообще с лёгкостью прогнозировать дальнейшее развитие событий. Несомненно, своей нынешней популярностью и ощутимыми финансовыми прибылями город обязан в первую очередь ему.

Далеко не все согласятся со мной, но это время, время невероятных для нас перемен наступило не как счастливый финал долгой, полной драматизма истории. На мой взгляд, история всё ещё продолжается, и финал у неё может быть совсем другим.

О своём рассказе «В годы нашей безумной Весны» я получил немало положительных и даже восторженных отзывов. Вот некоторые из них:

«Благодарствую Вам, мистер Гальпурге, прежде всего за Вашу откровенность, честность и неординарный, я бы даже сказал, весьма неординарный подход к теме! Вместе с Вами я верю: Истина восторжествует. Впрочем, почему мы всё время говорим о будущем!? Она уже восторжествовала!»

«Уважаемый, мистер Гальпурге, в ваш рассказ сложно поверить, но я, кажется, верю. Я никогда не общался с профессором Рольпером, но догадывался, что он именно такой че-

ловек, каким вы его представили. Рад, что из этой жуткой череды событий всё-таки нашёлся выход, – правда (или, может быть, к счастью) иначе, как чудом его не назвать!»

«Для кого-то заброшенный парк – это аномальная зона, по неизвестным причинам возникшая на окраине нашего города. Я же убеждена, он является нашим величайшим достоянием. А Вы – первый человек, который рассказал о нём, хоть и немного, но именно как о таковом. После Вашего рассказа невозможно не поверить в его чудеса! Несомненно, по Вашим стопам пойдут другие. Впоследствии кто-то расскажет историю, а может быть, множество историй, ещё более необычных, чем Ваша. Но первопроходец – всё равно Вы! Желаю Вам когда-нибудь войти в историю нашего города. Продолжайте быть наблюдателем! Жду от Вас вестей!»

Но, получая их, я всё больше задумывался над тем, что происходит в заброшенном парке, и как то, что происходит, отражается на нас, причём характер моих размышлений становился более тревожным.

Не так давно – на закате моего студенчества – преподаватель физики мистер Франклин дал мне напутствие в новую жизнь, каждое слово которого запечатлелось в моей памяти:

– Откровенно говоря, Вильгельм, вы не представляетесь мне интеллектуалом с обширным багажом знаний. Едва ли ваших сил хватит на то, чтобы копаться в теориях, методично разгадывать научные загадки. Вы были учёным, пусть и очень маленьким, ещё до того, как поступили в университет,

который, кроме диплома об образовании, дал вам, в сущности, немного. Это моё личное мнение, и я ни в коем случае не хочу вам его навязать. Вполне возможно, оно ошибочное.

Ваш рассказ даёт лишний повод задуматься над тем, что не в такое уж и счастливое время мы живём. Впрочем, я, кажется, не совсем правильно выразился... Я имею в виду не качество жизни в целом, – пожалуй, никогда ещё в истории человечества оно не было столь высоким, как сейчас. Дело в другом: мы снова идём у края пропасти. Достигнутые нами комфорт и безопасность находятся под угрозой. Прозрачный реализм в одночасье может поглотиться жутким сюрреализмом. Мы не должны забывать: жизненные нити тонки, здравый смысл тонок, – что, однако, является основанием не только для страха и сомнений, но и для того, чтобы верить в чудо. Быть бдительными – в этом наше человеческое призвание.

Вот ещё кое-что. Несмотря на все ваши недостатки, вам хочется верить. Вы идёте честным путём. В вас говорит учёный, который изучает, прежде всего, самого себя. Видите ли, Вильгельм, все тайны мироздания, какие только можно себе вообразить, чудесным образом вмещает в себя внутренняя вселенная каждого из нас. Впрочем, вам, я думаю, это давно известно.

Что такое истина – то, к чему стремится каждый учёный? Это не конечный результат, а скорее вечный стимул для достижения результатов. Она, как надёжный друг, будет всегда

рядом с вами, если только вы честны и преданы поиску. Но вы не сможете ею обладать.

Слова – это то, что по причине своей вторичности искажает действительность и создаёт иллюзию обладания. Поэтому хочу вас предостеречь... Остерегайтесь успеха. Нет, не поймите неправильно, успех – штука превосходная, – всё же точность слов – немалое достижение. Остерегайтесь того, чтобы он не вскружил вам голову.

Я думаю, вы понимаете всё, что я говорю, а если и не всё, то поймёте скоро. Вы интуитивный человек, а таким людям свойственно понимание.

Что ж, кажется, я сказал вам то, что хотел. Помните это, мистер Гальпурге, это важно. Помните.

Я долго прокручивал в голове слова мистера Франклина. Он сказал, что истина может быть только рядом... «Странно, – рассуждал я, – а как же тогда непреложные истины, – любые, взять хотя бы законы физики? Можно ли, например, закон всемирного тяготения считать близким к истине? Можно ли ещё рассуждать по поводу элементарных частиц? Нет, можно, конечно, но всё равно... похоже на бред. И это говорит физик! Вероятно, он слишком долго занимался наукой и у него всё перемешалось. Он всё запутал... нет, не похоже... Может, это я что-то недопонял?» И потом я услышал, то есть живо представил себе голос мистера Франклина: «Истина одна, Вильгельм. Представьте себе, что у вас был большой кусок стекла, или пусть это будет не стекло, а зер-

кало, ещё лучше – магическое зеркало. Оно упало с огромной высоты и разбилось – на миллион осколков. Если вам удаётся отыскать один или несколько из них, вы ликуете (всё же вы собираете магическое зеркало и поэтому невозможно не радоваться его даже самой малой частице). Теперь вы понимаете, что Истина в единственном числе. Все законы этого мира, освещённые человеческим гением, являются осколками зеркала. Всякий раз, когда вы наклоняетесь за очередной его частью, вы ощущаете присутствие Истины. Вы объяснили что-то самому себе, раскрыли какую-то тайну мироздания, или прикоснулись к тайне... однако что-то не есть всё, а тайн в этом мире гораздо больше, чем вы можете себе вообразить». Я размышлял дальше: «А если предположить, что рано или поздно человеческий род найдёт ответы на все вопросы? Соберёт миллион или миллионы осколков и сложит их вместе? Будущим поколениям учёных тогда останется только овладеть накопленными знаниями и передавать их по наследству. Где же тогда будет Истина? По-прежнему где-то рядом?..» Голос мистера Франклина в моём воображении отвечал: «Вы продолжаете называть осколки зеркалом; расчленённое тело человеческим существом... вы же не называете вашу ногу или палец Вильгельмом Гальпурге! А если соединить все части тела друг с другом, то в результате мы всё равно получим мертвеца. Именно этим многие из нас занимаются. Если вы даже склеите между собой все найденные вами осколки, зеркало вы всё равно не вернёте. Вы со-

брали всё, что только можно, а Истина наоборот отдалилась от вас. У вас есть всё, но чуда не произошло. Мертвец не порадовал вас своей речью».

В тот день, погружённый в подобные размышления, я не заметил, как пришёл к восточным воротам парка. В реальность меня вернул выразительный женский голос, скомандовавший:

– Ваш билетик, мистер!

Я предъявил паспорт здешнего жителя, данные по которому удовлетворяли необходимым требованиям системы контроля.

– Проходите!

Первое, что я понял, войдя на территорию парка, это то, что давно уже не был в нём. Более людное место в городе едва ли бы нашлось. И, признаюсь, было странно наблюдать картину, когда в ожидании чуда посетители бродят толпами, – как будто все они присутствовали на каком-то собрании, а после его окончания стали не спеша расходиться, пребывая в некотором недоумении по поводу того, что на нём происходило. Они прогуливались, но не беззаботно, и, в то же время, и нецеленаправленно, – так, словно наверняка не знали, что они здесь делают, и какова их цель. Хотя многие из них, вероятно, считали иначе.

– Мистер Гальпурге! Мистер Гальпурге! Я узнал вас, молодой человек! – внезапно окликнул меня незнакомый джентльмен. Высокий, статный, с внешностью, неожиданно

сочетающей в себе строгость с яркостью, он резко отличался от прочих посетителей парка. При виде его и огромного ярко-рыжего пса, который находился рядом с ним, я на миг остолбенел. Джентльмен остановился на том же месте, где увидел меня, и снял шляпу в знак приветствия. После чего медленно двинулся мне навстречу.

– Вы меня не знаете. Я Уилл Минрой, вольный путешественник. О вас мне немного рассказывал мой друг, профессор Рольпер. Сам не знаю, как я догадался, что сей скромно одетый задумчивый джентльмен и есть тот самый Вильгельм Гальпурге, но только скажите, что это не вы!

Мистер Минрой был человеком явно не совсем обычным – его лицо и взгляд говорили об удивительном жизненном пути, немало опыте и проницательности, – и вместе с тем он выглядел жизнерадостным, открытым. Он мне сразу же понравился.

– Вы знаете профессора Рольпера... А откуда, простите, вы родом?

– Я родом из Шотландии, но моя сознательная жизнь началась на Далмаке, где вам, вероятно, вскоре доведётся побывать.

– С профессором Рольпером вы познакомились у себя на родине? – спросил я, не сразу придав значения его последним словам.

– О, нет... впрочем, я так сразу и не вспомню, где и когда это случилось. Коротко говоря, мы знаем друг друга с давних

пор.

Мой друг кое-что рассказывал о вас. По его мнению, вы один из немногих, кто может пролить свет на то, что происходит в вашем заброшенном парке. Он просил вам это при возможности передать.

– Что ж... – протянул я неопределённо, чувствуя, что на меня возлагают надежды, которые я, возможно, не смогу оправдать.

Поняв мою реакцию, мистер Минрой, сказал:

– Не думайте, будто я передаю поручение. Генрих просто хотел этим сказать, что верит в вас.

На протяжении многих лет мой друг был человеком оптимистических убеждений, человеком, разочаровавшимся в окружающем мире, в людях, и, прежде всего, разумеется, в самом себе. Поэтому... вам уже удалось совершить чудо: вы нашли средство от его мизантропии и пессимизма.

– Мне бы хотелось сказать, что никакого чуда я не совершал, что чудо произошло скорее со мной, но вы ведь сочтёте это за скромность...

– Я знаю одно: вы напомнили профессору его самого в молодые годы, – одинокого замкнутого поэта, чьи произведения были слишком странными для того, чтобы принести ему хоть какую-то известность, не говоря уже о чём-то большем.

– Может быть, но только разница в том, что ваш друг помимо этого обладает ещё множеством талантов, которых нет у меня... – и мне тут же стало стыдно за спонтанно выражен-

ное чувство сожаления и подсознательные амбиции.

– Мой юный друг, – мистер Минрой взял меня за плечи и пронзительно посмотрел в глаза. Я думал, он скажет, что во мне ещё живёт прежний закомплексованный мальчик, или нечто подобное. Но он сказал:

– Зато вы принадлежите самому себе. Обладая многими талантами, человек может заиграться. Впрочем, это не совсем корректно звучит, ведь гений и есть игрок, игрок с большой буквы. Он может играть со многими вещами, но тем самым будет упускать нечто очень важное. Именно это произошло с моим другом профессором. Он – превосходный игрок, но это превосходство заточило его в мир форм, лишённых важного содержания. Вам удалось вернуть ему утраченное содержание, по сути дела вы напомнили, что люди – несчастны в этом мире, несчастны, ибо способны чувствовать, а не только говорить о чувствах, мыслить, а не только блуждать в мыслях, и на самом деле могут быть более восприимчивы. А удалось потому, что важнее всего для вас – это принадлежать самому себе. Амбиции, охоту за внешними объектами вы ощущаете в себе как нечто негативное, поскольку чётко осознаёте: всё это может лишь увести вас от самих себя.

– Если вы никуда не торопитесь, мы можем присесть, – предложил он затем, и указал на скамейку, усыпанную листьями.

Я никуда не спешил и был только рад продолжить знаком-

ство.

– Осень – волшебная пора года, – и, находясь здесь, особенно это ощущаешь, – с вдохновением произнёс он, глядя на верхушки старых деревьев. – Время, когда истории подходят к своему завершению...

– Мистер Минрой... – начал было я.

– Очень прошу, обращайтесь ко мне просто: Уилл.

– Хорошо... Уилл, эти люди в парке, их стало... не знаю, может быть, во мне говорит сейчас чувство ревности, но их стало чересчур много. К тому же складывается странное впечатление... как будто все они здесь что-то ищут.

– Они ищут то, чего им не хватает в себе. Прежде такого наплыва охотников за чудесами не было, это так... Но, если поконкретней, они хотят увидеть, (и, вероятнее всего, увидят) двоих детей, девочку и мальчика с хищной внешностью, в лохмотьях древних людей. Периодически они появляются среди посетителей, – возникают из ниоткуда, пробегают мимо и удаляются в неизвестном направлении, могут подпрыгнуть до самых верхушек деревьев, а потом вдруг исчезнуть, либо просто исчезают.

– Очень интересно... и что по-вашему это может означать?

Уилл ненадолго задумался.

– Это только моё предположение, но я уже сталкивался с чем-то подобным в волшебных аллеях Далмака – как раз в пик сезона. А в них, как вы, наверное, знаете, всё, что ни

происходит, так или иначе связано с нами.

– То есть вы хотите сказать, что эти... странные дети имеют прямое отношение к нам? – спросил я о том, в чём сам был почти уверен.

– Я думаю, они являются порождением этой самой массы людей, что озабоченно бродит по территории парка. Юные дикари с иступлёнными лицами есть сущность толпы.

Знаете, Вил, многие таинственные явления – это что-то вроде всходов растений, – представьте, что люди засевают их семена в сию благодатную почву, не ведая о том, что они это делают. Впрочем, я, наверное, подобрал не самое удачное сравнение.

– А, по-моему, удачное.

Уилл посмотрел на меня; поняв, что я во всём с ним согласен, внёс долю сомнения:

– И всё-таки, это лишь моё допущение. Посетители здешних мест в большинстве своём вряд ли бы одобрили подобные рассуждения.

Пока я думал над словами Уилла, на территорию парка вошла группа лиц, оснащённых съёмочной аппаратурой. Заметив их раньше меня, мой собеседник встал со скамьи, улыбнулся и приподнял шляпу в знак прощания.

– Эльза, ко мне! – бросил он собаке. – Идём, дорогая. Рад был знакомству, Вил!

Я тоже встал, и, переводя взгляд с него на этих, явно целенаправленно идущих в нашу сторону людей, произнёс:

– Вы так неожиданно... Доброго пути, мистер Минрой, прошу прощения, Уилл!

Не успел я договорить, как Уилл и его собака исчезли, буквально растворились в воздухе – на виду у нескольких десятков прохожих.

– Очередной трюк! Bravo! – тут же раздалась чья-то восторженно-ироническая реплика.

Я обернулся на голос. К тому месту, где я стоял, приближалась шумная компания молодых людей. В ней выделялся высокорослый, худощавый парень – в полосатой кепке и с полосатым шарфом, одетый во всё чёрное. На лице его светилась улыбка, а во взгляде лёгкая насмешка над толпой. Реплика, разумеется, принадлежала ему.

В ответ на возмущение в свой адрес кого-то из пожилых людей он громко, зычно произнёс:

– Вы разве до сих пор не знаете?.. Все эти писанные чудеса – на самом деле фокусы! Мастерски выполненные? – бесспорно, – но фокусы!

Люди, до которых донеслись его слова, обращали на него внимание, останавливались, переговаривались.

– Последние новости не слыхали? – обратился он к ним. – Это – представления – как то, на что вы смотрите в театре! Здесь тоже есть режиссёр-постановщик, актёры! Всё это время вас разыгрывали!

– Что?! А как же... – раздражённо начал кто-то.

– Эти исчезновения и прочее там – иллюзия, – вышел впе-

рѐд другой паренѐк из компании молодых людей. – Работа мага-иллюзиониста, да, разумеется, далеко не простого. Он, к тому же ещё, и учёный-конструктор, и художник, одним словом великий мастер. Вот он и его прелестная компания и замутили чудеса в заброшенном парке, на которых все помешались.

И оба парня одновременно выдали усмешку, говорившую об их явном перевесе в споре.

– Прессу иногда читать надо, новостями интересоваться. Словом, жить надо нормально, а не гоняться за всякими призраками, таинственными зверьками и прочим, – прозвучал ещё один голос из той же компании, на удивление, не насмешливый, а вполне серьёзный.

Однако нашѐлся кто-то, кто скептически пробурчал в ответ: «Какой дурак поверит какой-то газетѐнке». И этот кто-то, вероятно, с чувством понимания того, где правда, где ложь, преспокойно пошѐл дальше своей дорогой.

Мой же разум на все эти слова отреагировал не сразу, так как я был под сильным впечатлением от исчезновения моего собеседника. Однако вскоре они переросли для меня в серьёзную задачу. Характер моих рассуждений мог бы стать более беспокойным и поверхностным после того, как высокорослый парень в кепке, распознав, очевидно, на моѐм лице озабоченность, обратился ко мне с ухмылкой:

– Что, парень, веруешь в чудеса?

Наверное, мне хотелось, чтобы в его голосе прозвучала

насмешка. Так было бы для меня проще? Но это было скорее снисхождение.

– Сочувствую, – обронил он.

Однако, раздражение, желание спорить, возникли во мне лишь на миг, ибо на ум тут же пришла светлая мысль: «Благосклонность... естественная благосклонность к своим оппонентам и противникам. Если я ещё не научился этому, то мне определённо стоит. Каждый заслуживает благосклонного к себе отношения. И такое отношение говорит о подлинной уверенности в себе».

По дороге из парка, я продолжал думать об этом: «На самом деле, когда кто-то говорит вещи, с которыми ты не согласен, вовсе не возникает повод выходить из себя, суетливо отстаивать свою правоту. Просто часто так бывает, что мы в этот момент ослеплены и не видим другого пути. Благосклонность... как она возникает? Она возникает из понимания того, что наиболее значимо, а что второстепенно, иными словами: из нашей объективности, которая тем больше, чем меньшее значение мы придаём личностным суждениям и оценкам, и в первую очередь, конечно же, своим собственным. Наибольшую ценность имеет человек в своём естестве и всё то, без чего жизнь его потеряла бы смысл. Всё прочее – преходящее. Нашими мнениями, принципами, а вместе с тем и гордостью, что придаёт им важность, вполне можно поступиться во имя чего-то большего, общего или надличностного. Коль скоро всех возможно примирить, то благо-

склонность и есть путь к примирению».

Придя домой, я разложил перед собой всю прессу, пришедшую за последнее время, и почти сразу же наткнулся на искомый материал. Статья называлась: «Иллюзии на смену чудесам». В ней содержалось интервью с человеком, который и был тем самым магом-иллюзионистом, создателем чудес в заброшенном парке. Без сомнения, каждый, кто читает эти строки, знает, о чём повествовалось в данной статье, поэтому многочисленные её подробности можно опустить. Великий мистификатор не сомневался: странные явления имели место в Вильском парке. Однако он также был убеждён в том, что недавно они полностью ушли из нашей жизни. Как-то раз во время наблюдения за ними у него возникла идея: почему бы ему самому не попробовать создавать их? Ведь таким образом он сможет лучше понять, что и почему происходит в заброшенном парке. «Создавать иллюзии, разумеется. Но стремиться к тому, чтобы они походили на настоящее волшебство». В завершении интервью он сказал: «Я не хотел никого провести, всё, что я делал, это укреплял вашу, а заодно и свою веру в чудо. И сейчас, говоря об этом, продолжаю верить, верить в искусство. Во мне нет сожаления. Я по-настоящему счастлив, как счастлив художник, претворивший своё искусство в жизнь».

Во время чтения статьи я едва не разрыдался – разделяя чувства этого человека, веря ему и веря вместе с ним.

Причиной того, что спустя столько времени он решился

рассказать об этом, послужили растущие сомнения и чувство тревоги. Он сказал: «Каждая история рано или поздно подходит к концу. Пришла пора завершиться и моей истории, – в противном случае она будет лишь утрачивать свою определённую, тогда как я – веру в чудо». Меня буквально ударило током – сразу же вспомнились слова Уилла Минроя: «Осень – волшебная пора года, – и, находясь здесь, особенно это ощущаешь. Время, когда истории подходят к своему завершению...» Я перевернул страницу, и моё подозрение подтвердилось: на фотографии был не кто иной, как мой недавний собеседник.

С роем мыслей в голове и воспоминаний я снова отправился в Вильский парк. Я не знал, удастся мне разыскать мистера Минроя, или нет, но в любом случае другой дороги для меня в тот вечер не было.

Шагая то быстро, то медленно, в зависимости от того, какие мысли меня одолевали, я практически не замечал (не хотел замечать) ничего вокруг, и так дошёл до самых ворот. Когда понял, что пришёл поздно, испытал (оставленное, казалось бы, в прошлом) чувство уныния.

Я бродил вдоль забора парка до тех пор, пока не начало темнеть.

– Думаете, не пора ли возвращаться? – раздался голос за моей спиной, который не сложно было узнать.

Только что у меня была мысль: случись мне сейчас встретить мистера Минроя, я не найду, что ему сказать (слишком

много передумал, слишком устал). И вот, он тут как тут.

– Или вы всё же не торопитесь? Впрочем... я, кажется, немного виноват перед вами. Но я знал, что вы придёте, честно говоря, даже рассчитывал на это. Я не лжец, и не строю никаких планов. Всё, что я говорил вам, правда.

– А то, что вы сказали всему городу?

– Правда и это. Только здесь есть ещё кое-что... Присядем? – предложил он, указывая на скамейку.

Мы присели, помолчали некоторое время. А потом мистер Минрой сказал:

– Однажды профессор Рольпер представил меня Верховной Академии как весьма талантливый иллюзиониста. Это значило, что он одобрил мою идею обосноваться в заброшенном парке. Поначалу, конечно, она показалась ему чистым безумием. Но потом он сказал: если возможно установить контакт с тем миром, то не иначе как при помощи искусства. Это было как раз то время, когда Вильскому парку вновь стало уделяться много внимания. Академии нужно было хоть как-то контролировать те процессы, что происходили в нём и вокруг него. Моя кандидатура для этого подходила как нельзя лучше. Я известен множеством впечатляющих иллюзионных постановок, умею пользоваться последними достижениями науки и техники, вдобавок, могу найти общий язык практически с любыми людьми, – что тоже немаловажно, и может сыграть определённую роль в этом деле сейчас.

– То, что я явил себя публике, меня вовсе не радует, – после небольшой паузы продолжил он, – но я должен был это сделать.

– Почему? Таково было распоряжение Академии? – попробовал я догадаться.

– На то есть ряд причин; основная вам известна. Вокруг таинственных явлений всё больше скапливается негатива. То, что в результате их воздействия образ жизни многих людей кардинально меняется, настораживает, – подобные перемены грозят массовой истерией. Так что, если бы даже не поступило распоряжение от Академии, я всё равно бы это сделал.

– Но ведь, сделав такое признание, вы, наверняка, подвергли себя риску. Люди верили в чудеса, а иногородние, к тому же, платили деньги за посещение парка...

– У меня есть лишь один выход: рассказать свою историю от начала и до конца, ничего не утаивая. И если после этого отдельные люди начнут бросать в меня камнями – а я почти уверен, что таких найдётся немало, – что ж, невелика цена их веры. Ведь вы же, несмотря на то, что верили, не шли сюда сводить со мною счёты.

– Если честно, я собирался потребовать у вас объяснений.

– Но вы не почувствовали себя одураченным. И при любом исходе, думаю, ваша вера бы уцелела.

На минуту он замолчал, а затем выдал неожиданную вещь:

– Пусть и с полным поражением, но мне хотелось бы уйти, Вильгельм. Взять и уйти, как будто ничего этого не было. Ни парка чудес, ни толпы людей, ни пристального внимания Академии, даже искусства, воплотить которое в жизнь было когда-то моей сумасшедшей мечтой. Так бывает: долгое время ты о чём-то заботишься, что-то постигаешь, создаёшь, находишься в центре событий, а потом... потом наступает момент, когда ты готов всё оставить, – не с отчаяния, не от того, что что-то не получилось или вышло не совсем так, как хотелось бы, а легко, с чувством выполненного долга (впрочем, говоря о долге, я, наверное, лукавлю, ведь я делал это для себя). Оставить, и больше к этому не возвращаться.

– Но вас всё ещё что-то удерживает...

– Не хватает какого-то завершения... могу ошибаться, но, мне кажется, в деле с Вильским парком не хватает именно вас.

– Не хотелось бы вас разочаровывать... – опустил я голову.

Уилл встал со скамейки и, приободрив меня улыбкой, произнёс:

– Что вы наверняка не сможете сделать, так это разочаровать меня.

– Я даже не представляю, что вы имеете в виду... – продолжал я безнадежную мысль, которую, впрочем, сам себе навязал.

– Уже достаточно поздно. Может статься, другого време-

ни у нас не будет. Поэтому попрошу вас следовать сейчас за мной, – загадочно произнёс он, после чего сразу же развернулся и двинулся по аллее в сторону восточного входа в парк.

Мне ничего другого не оставалось, как идти с ним, к чему, впрочем, я отнёсся с воодушевлением.

На входе Уилл показал удостоверение члена Верховной Академии и нас пропустили.

До закрытия парка оставалось около получаса. Несмотря на это, людей в нём было ненамного меньше, чем днём. Правда, основная их масса находилась недалеко от входа. Так что не успели мы пройти и двухсот ярдов, как он покрылся мраком и опустел. При этом во мне возникло странное чувство, что там, где мы идём, никто ещё не ходил, – чего, разумеется, быть не могло. «Возможно, – подумал я, – чувство подсказывает, что знакомые места вот-вот предстанут передо мной в совершенно новом свете». И, словно в ответ на мою мысль, впереди загорелся свет.

Уилл, опережавший меня на несколько шагов, остановился и жестом предложил мне пройти вперёд. Свет шёл прямо из-под земли, а чуть ниже её уровня находилась небольшая подъёмная платформа. Мы поочередно спустились вниз, в достаточно просторный, но при этом совершенно пустой коридор, на одной из белых, ни о чём не говорящих стен которого тонко вырисовывался контур двери. Не успел я обернуться с немым вопросом к Уиллу, как дверь передо мной раздвинулась. С того момента всё, что происходило со мной

в тот вечер и в ту ночь, я воспринимал не иначе, как удивительный сон.

Если бы по ту сторону проёма было темно, можно было бы решить, что мы вышли обратно наружу, ибо перед нами вновь простёрлась парковая территория. Но, поскольку там царил дневной свет, на ум пришла другая, ещё более фантастическая мысль, что мы очутились в некоем ином мире. На самом же деле, мы вошли в помещение, которое являло собой точную копию одного из мест Вильского парка, или – иными словами – в котором была создана его голограмма. Догадавшись об этом – благодаря почти полному отсутствию мебели (были только стол и два кресла), я узнал и само место: здесь мы встретились сегодня с Уиллом.

– Кажется, я начинаю понимать, как вы создаёте ваши иллюзии... и ваше сегодняшнее исчезновение... вы на самом деле были не вы, а ваша голограмма...

В то время, как я проговаривал эти мысли вслух, к нам выбежала огромная огненно-рыжая собака Эльза. Её неожиданное и эффектное появление на миг лишило меня дара речи, вызвав во мне удивление и восторг.

– В данное помещение, или комнату-студию мы имеем возможность спроецировать практически любое место Вильского парка, и точно также в любом месте парка может возникнуть голографическая проекция того, что происходит здесь. Да, всё предельно просто, и даже странно, что до сей поры ни в одном из источников массовой информации не

прозвучала подобная версия, – сказал Уилл.

– Но постоит, а как же ваш голос?!– кольнула вдруг меня мысль. – А наше рукопожатие?! А потом, помнится, вы положили мне руки на плечи...

– На самом деле, голограммой была только Эльза.

Я посмотрел на ту скамейку, где мы сидели. И как раз в этот момент Эльза, как и тогда, прилегла возле неё.

– А на мне была голографическая одежда. Может быть, вы припомните, что в тот момент, когда я исчез, вы увидели на моём месте человека по росту и телосложению схожего со мной, но только одетого во всё чёрное.

Такой человек мне сразу же припомнился.

– Значит, это были вы...

Затем в помещении стали появляться люди. Они выходили из разных дверей, каждый, по всей вероятности, из своей отдельной комнаты. Первым, кого я увидел, был среднего возраста голубоглазый брюнет с запоминающейся утончённой наружностью. Заостренное, нечасто улыбающееся лицо, копна волос, усталый, или, возможно, просто задумчивый взгляд... мне почему-то подумалось, что ему бы хорошо подошла роль Гамлета. Второй мужчина – светловолосый, рыжеватый, одетый во всё белое. Выглядел он более жизнерадостным: красивое, улыбчивое лицо, открытый, дружелюбный взгляд. Его длинные, худые руки и пальцы говорили, вероятнее всего, о музыкальном таланте. Черты лица третьего мужчины были более строгие, чем у второго, а само

лицо немного шире. Глубоко посаженные его глаза не излучали столь явного дружелюбия, и в то же время от них не меньше веяло теплом. Помнится, мне подумалось: они не только глубоко посажены, но и глубоки... существует ли на свете чувство, которое ещё неведомо им?.. После него одновременно появились две очень симпатичные особы женского пола, которые вместе выглядели как полные противоположности друг другу. У одной – длинные и пышные тёмные волосы, смуглое лицо, другая – белолицая, с короткими и приглаженными светлыми волосами. Одежда на тёмной девушке – тёмная и свободная, на светлой – светлая и облегачающая. Следом за ними в студию быстрым шагом, держась за руки, вошли двое детей лет восьми, мальчик и девочка. «Периодически они появляются среди посетителей, – возникают из ниоткуда, пробегают мимо и удаляются в неизвестном направлении...», – тут же пришли мне на ум слова Уилла. Они выглядели заспанными, но не потому, что их разбудили, а потому что старались не уснуть до моего прихода, чтобы побыть здесь вместе со всеми. Замкнул череду незнакомых лиц, к моему немалому удивлению, тот, чьё лицо мне было хорошо знакомо, а именно Алэн Хартер, неразлучный со своим пауком Антуаном.

Все они собрались возле стола. Девушки сели в кресла, дети к ним на колени, мужчины остались стоять.

– Позвольте, Вилл, я представлю вам моих друзей.

И Уилл стал представлять их в том порядке, как они вы-

ходили:

– Мэл... сценарист, постановщик, а также и актёр нашего театра. Тед... актёр, музыкант. Алан... технический художник, технолог сцены. Наши замечательные родные сёстры Мэгги и Сьюзен... художницы, актрисы. Дейл и Кристин... наши юные актёры. Ну, а с Аленом, и особенно с его питомцем вы уже знакомы.

Затем он представил им меня:

– Друзья мои, этот молодой джентльмен и есть, как вы, вероятно, уже догадались, тот самый Вилл Гальпурге...

– Я читала несколько ваших рассказов. По-моему, такой автор, как вы, большая редкость, – произнесла Сьюзен. Если это был комплемент, то прозвучал он довольно ровным тоном, благодаря чему, впрочем, я почти не смутился.

– Что же такого необычного во мне?..

– В самом деле, не часто встретишь писателя, который бы с таким сомнением и осторожностью относился к слову, – заметил с улыбкой Алан.

– Который со словом на «вы». Гм, я это не в плохом смысле, – выразил своё видение Тед.

– Вы, судя по всему, неплохо меня знаете. А я о вас могу сказать только то, что, кажется, где-то всех вас уже видел, – сказал я, пытаюсь вспомнить, где именно мог их видеть.

– Если бы вы были из тех, кто заботливо описывает внешность каждого своего персонажа, то, думаю, вам бы не пришлось это вспоминать. Но поскольку подобные детали для

вас не важны даже в случае с главными персонажами...

– Неужели... – прервал я лёгкую иронию Алана, внезапно вспомнив, – вспомнив и придя от этого воспоминания в полное замешательство.

Мэл, Тед, Алан, Сьюзен и Мэгги... это они были на сцене в заброшенном парке. Мэл играл роль профессора Рольпера в молодости... Но как... как это возможно?!

– Вы спрашиваете себя, как возможно то, что внутренним взором вы увидели вполне реальную сцену, очевидцем которой не были до того ... Дело не только в вас, но и в Антуане. Таких существ, как он, неспроста называют далмакскими экстрасенсами. Контактируя с ним, вы увидели что-то, что в своё время видел он, причём не просто какую-то картину, а такую, которая имела значение и для профессора Рольпера и для вас, – сказал Уилл.

– Но не подумай, приятель, что всё так просто. Я бы сказал: не контактируя с ним, – потому что контактировать может каждый желающий, – а ступив на его территорию, или, как нам привычнее говорить, войдя с ним в гармонию, что невозможно сделать при помощи усилий. Будь уверен, это не типичное явление, твой случай – уникальный, – хмуро проговорил Алан, но в конце лучезарно улыбнулся.

– Если честно, меня волнует и кое-что другое... – произнёс я с некоторой грустью. – Я считал это, в смысле своё видение, подлинным чудом... но теперь выходит, что даже оно не обошлось без игры актёров. – И вдруг от этих слов почув-

ствовал себя неуверенно.

– Не всё спектакль, – отвечала на это приятным задумчивым голосом Мэгги, глядя своими сияющими глазами то на меня, то куда-то вдаль. – Если бы это было так, то это было бы для нас только игрой, которая не продолжалась бы столько, сколько продолжалась...

– Будь это только игрой, мы бы чувствовали себя идиотами, – заверил Тед.

– Но тогда... почему вы решили...

Пока я думал над продолжением фразы, Тед меня опередил:

– Почему мы решили выйти на поверхность? Рассекретить себя и свою деятельность перед всем обществом, чем вполне можно нанести ущерб своему здоровью?..

– Как я уже говорил вам, Вилл, таково распоряжение Академии. Парк должен быть закрыт – по той простой причине, что вещи, которые происходят в нём и вокруг него, всё больше оборачиваются во вред обществу. Уж, простите за академичность, – сказал Уилл.

– Люди в большинстве своём не готовы к тому, чтобы таинственные явления настолько плотно вошли в их жизнь, что потеснили собой, например, телевидение. Поэтому в данном случае вполне можно ожидать волны массового безумия, сектантства, проповедей апокалипсиса и прочего, – сказал Мэл. – И в то же время... чудо не исчезнет для тех, кто способен его замечать. У него есть одна особенность – оно

никогда не бывает слишком явным и всякий раз оставляет нам возможность усомниться в нём.

– Но как же ваша безопасность? Вы только что сами об этом сказали. Ведь обязательно найдутся люди, чья вера в результате ваших признаний пострадает, или – ещё лучше – чьи иллюзии, ставшие неотъемлемой частью жизни, рухнут. Что если кто-то из них захочет, скажем, отомстить вам?.. – остро поставил я вопрос.

– Нельзя быть полностью застрахованным от этого. Но мы должны... просто рассказать людям нашу историю, – отвечал Тед.

– К тому же, не забывайте, Вилл, наши действия были согласованы с Верховной Академией, вследствие чего мы находимся под её опекой, – обнадеживающе прозвучало из уст Уилла.

– Не знаю, многих ли это приободрит, но в планы Академии входит возведение на месте Вильского парка грандиозного музея его истории, – сказал Алан.

– Свято место пустым не бывает, верно, дружок? – прокомментировал своему питомцу Алэн, и затем немного пофантазировал на эту тему: – хотя, знаешь, если музей и вправду построят, ты точно увидишь себя среди его главных экспонатов. А рядом с твоим изображением будет надпись: «Уроженец Далмакских Аллей, паук-экстрасенс по имени Антуан не только имел отношение к некоторым таинственным явлениям, но и сыграл важную роль в Вильской исто-

рии».

Посмотрев на него с улыбкой, Мэл сказал:

– Лично мне эти перемены кажутся вполне естественными. И... мы не сделали ничего такого, за что нас можно осуждать. Пусть придётся разрушить чьи-то иллюзии, но, уверен, есть немало людей, которым наше искусство помогло в жизни, и они в любом случае будут нам благодарны.

У меня было ещё несколько вопросов к этим людям, но, подумав, я решил задать только один:

– Для чего вам нужен я? Уилл, ведь вы привели меня сюда не для того, чтобы я первым узнал всё это?..

– Я познакомил вас с моими друзьями, и сделал это, разумеется, не только ради знакомства. Скоро вы поймёте это без моих объяснений. Но теперь хочу познакомить вас ещё кое с кем...

Человек, которого имел в виду Уилл, уже присутствовал в студии, – стоял в нескольких шагах от меня. Среднего роста, плотного телосложения, он был одет в простой тёмный костюм... в руке чёрная фетровая шляпа, на ногах лёгкая и мягкая обувь, позволяющая ходить беззвучно. Его внешность можно было бы назвать скромной, или даже заурядной, если бы при встрече с ним взглядом она не утрачивала всякое значение. Скажу лишь одно: я не был им загипнотизирован, но при этом с первой минуты нашего знакомства чувствовал, что целиком и полностью доверяю ему.

– Ещё один мой друг, мистер Винер Степс... Много лет

он прожил в Далмаке, но вот наконец-то вернулся в родной город! Ранее преподавал в школе и был весьма популярен среди её учеников, а ныне больше известен, как экстрасенс. Мистер Винер уже довольно долгое время ничего не говорит, так что отнеситесь спокойно к его молчанию. Мистер Вильгельм Гальпурге... дружит со словом, любит рассказывать разные необычные истории, – представил нас друг другу Уилл, после чего сразу же произнёс напутствие: – Сейчас вы вместе покинете эту студию. Всё, что вам нужно, это следовать за ним. Просто следуйте за ним, Вил.

Глава 2

Тайна

Я не представлял, куда и зачем мы идём, но мне и не обязательно было это знать. Спрашивать о чём-либо у мистера Винера мне не хотелось, да и было совершенно излишне. Единственное, что вызывало у меня вопрос, это то обстоятельство, что мистер Винер уже несколько лет ничего не говорит. Кого-то мне это напоминало...

Пройдя извилистую аллею, мы вышли на открытое место, небо над которым было усеяно звёздами. Перед нами ширилось футбольное поле (упомянутое мной в первом рассказе). Пару лет назад его всё равно, что не было, а сейчас оно выглядит ухоженным, как когда-то, очень давно... Мы остановились. Это было невероятно, но вдруг от нахлынувших на

меня чувств я стал произносить мысли вслух, что очень редко делал даже в присутствии близких мне людей:

– В детстве мы с ребятами играли здесь в футбол...

И как только произнёс это, взгляд мой наткнулся на футбольный мяч, лежащий возле кромки поля. Невозможно было не улыбнуться, – равно, как и сдержать слёзы. А в следующее мгновение мяч взвился в воздух, – одновременно с этим послышались задорные крики ребят... «Твой, Вил!!! Лови!!! – громко и отчётливо, точно из реальности, донеслось до меня.

– Чаще всего я играл в воротах. И, кажется, теперь понимаю, почему. Вратарь – игрок, который сосредоточен в одной точке поля, он наиболее определён среди всех игроков. Символ защищённости, надёжности... это был мой выбор не только в игре, но и в жизни... впрочем, не столько, наверное, выбор, сколько данность.

Затем я посмотрел чуть левее, в направлении делового центра. Высокое, округлое здание, расположенное на бывшей парковой территории... почему-то оно напомнило мне севший на мель корабль.

– Когда-то там были деревья, целый сад... Три года назад я проходил мимо этого здания и... примерно, на этом месте, где мы сейчас стоим, увидел россыпь драгоценных камней... Так вот, почему мы пришли сюда!

Наверное, эта мысль, должна была меня вдохновить, но она только вызвала во мне тревогу. Тело моё задрожало как

от холода.

– Но... что это означало? И что это может означать теперь? Мистер Минрой и его друзья от меня, наверняка, чего-то ждут. Но что в этой истории от меня может зависеть? Впрочем, слишком много вопросов... Простите, это от волнения. Порой со мною так случается: я вдруг теряю уверенность, становлюсь растерянным, подавленным.

Я боялся, что своим затянувшимся монологом начинаю надоедать мистеру Винеру, но он... он только слушал. Его присутствие давало мне ощущение внутренней свободы. Он был необыкновенным слушателем. И достаточно было одного его взгляда, чтобы ко мне вернулось спокойствие и оптимизм.

А потом произошло следующее: мистер Винер подошёл к тому месту, где лежал мяч; сделав короткий разбег, он ударил по нему, ударил с такой силой и одновременно с такой лёгкостью... Мяч пролетел через всё поле и опустился в угол ворот. Со стороны такое действие выглядело бы вполне обычным, но посредством его я получил нечто даже большее, чем ответ на свой вопрос.

Мысленно простившись с мистером Винером, я вышел на середину поля. Лёг на газон и погрузился в воспоминания.

Наша команда принимала участие в городской олимпиаде. Шла последняя минута решающей встречи. Мы проигрывали со счётом 3:2. По мнению наблюдателей, это был лучший результат, которого мы могли добиться, так как наш со-

перник являлся общепризнанным фаворитом турнира. Кое-как отстояв свои ворота во время очередного штурма, мы пошли вперёд, именно пошли, потому что сил, чтобы бежать, ни у кого уже не было. Но заметно подустал и соперник, вложив максимум сил в атаку, которая так и не завершилась голом, на последних секундах позволил себе расслабиться, потерял концентрацию, – оно и понятно, ведь игра уже была сыграна. Всё случилось спонтанно. Защитник отпасовал мяч мне, а я вдруг – без тени сомнения в своём действии – нанёс удар по воротам. Мяч оказался в сетке. 3:3. Это была ничья, в которую никто не верил, и, возможно, наша лучшая игра за всё время! Товарищи по команде качали меня на руках, подбрасывали в воздух. Гол, забитый вратарём из-за центральной линии поля, стал легендарным; его вспоминают по сей день.

Однако, я лишь заменял основного голкипера команды, поэтому, а также по ряду других причин, в дальнейшем принимать участие в турнирных играх мне не довелось.

Но как мистер Винер, который относится к иному поколению (он на восемь лет меня старше), мог это узнать? Едва ли его действие и случай из моего детства были простым совпадением.

Мысли и воспоминания о давних событиях сменились мыслями о совсем недавнем, ещё уходящем прошлом. Лицо мистера Минроя, лица его друзей... я влюбился в них с первой секунды... очаровательные и незабываемые взгляды

и улыбки Сьюзен и Мэгги... как легко раствориться в них... я не знал (как мог не знать я!) прежде этого упоения.

Но вот я снова один, стою посреди поля под мириадами звёзд, вокруг меня царит непередаваемое безмолвие. И возникает чувство, будто игра только-только закончилась, но все её участники и наблюдатели исчезли в один миг, то есть разошлись много лет назад. «По его мнению, вы один из немногих, кто может пролить свет на то, что происходит в вашем заброшенном парке», – вкрался в тишину голос Уилла. «Не думайте, будто я передаю поручение...» Уилл не лукавил. Мне действительно не нужно ничего делать. Ведь я могу просто... просто окунуться с головой в эту тайну.

И я побрёл по парку в обратном направлении, отчётливо сознавая, что нахожусь в состоянии сна.

Высоко – так высоко, как никогда – тянулась надо мной пышная растительная галерея (в то время как низ её был совершенно не виден). Разглядывая её, сквозь паутину ветвей я различил тонкие извилистые стволы, но величественные кроны надёжно скрывались то ли во мгле, то ли в ночном небе. Картина казалась странной, нереальной, и вызывала во мне тихое очарование и задумчивость. Для того, чтобы увидеть больше, мне нужно было оторваться от земли. Я попробовал это сделать, и у меня легко получилось. Восхищаясь красотой и величием деревьев, я плавно поднимался всё выше. Но в результате упёрся во что-то невидимое. Я подумал, что это предел, выше которого мне не суждено подняться.

Но почему предел? Что это значит? Прислушавшись к своим ощущениям, нашёл ответ. Полдня меня преследовало чувство, что таинственный Вильский парк, который я знал и который вдохновлял меня долгие годы, превращается в своего рода театр; по крайней мере, с завтрашнего дня большинство людей начнёт воспринимать его именно так. И тогда... тогда эта волшебная аллея – не настоящая, она тянется во все не под открытым небом, а в помещении (наподобие того, в котором работают мистер Минрой и его компания), пусть огромном и уподобленном внешнему миру, но всё-таки замкнутом. Однако я не мог доверять этому навязчивому чувству, правда о заброшенном парке должна была заключаться в чём-то другом. А если так, то мне ещё предстоит её найти.

Я полетел вперёд.

Небо расчищалось, кое-где уже виднелись звёзды и вершины деревьев. Только последние почему-то были укрыты чёрной плёнкой, вернее укрыты были до недавнего времени, а теперь увешаны её обрывками, потому что ветер как раз срывал её с них. Я наблюдал за тем, как она, точно некая живая сила, медленно падает, распрямляясь и цепляясь за ветки. – Может быть, это и есть тьма, которую я только что видел над собой? И, может быть, она вовсе не уходит, а перемещается вниз? Что будет, когда я не смогу больше лететь и опущусь в неё? Эти мысли вызывали во мне чувство тревоги, делали ощутимыми некие внутренние границы. Однако, несмотря на это, моё намерение не угасало, вело меня

дальше.

И вскоре всё изменилось (как снаружи, так и внутри меня), просто и настолько, что я решил, что из сна перенёсся в некую иную реальность, где, как подсказывало чувство, мне предстояло встретиться с чем-то глубинным и совершенно неожиданным.

В жарких тонах лета посреди пышной зелени бежала подо мной узкая просёлочная дорога. Из аллеи, которая была совсем не похожа на парковую, она вела в плодовый сад. Как только я оказался над ним, какая-то сила поманила меня вниз. Там, под яблоневым деревом я увидел старика – такого, которого можно увидеть разве что в сказке – с очень трогательной внешностью, миниатюрного роста и телосложения. Рядом с ним стояла корзинка, полная наливных яблок. Он смотрел на меня благосклонным, пронизывающим до глубины души взглядом, смотрел так, будто хорошо знал меня и ждал. С чувством благоговения я остановился перед ним и преклонил голову. В этот момент у меня непроизвольно полились слёзы – и радости и горечи одновременно – я понял, что в жизни для меня нет ничего важнее, чем его присутствие, – как часто я в нём нуждался и пытался заменить чем-то другим! Понял и то, что силы и богатства слова недостаточно для общения с этим человеком.

– Вильгельм! – поприветствовал меня он, – и моё имя прозвучало столь осмысленно, будто оно было не одним словом, а целым текстом. После чего заговорил со мной на неизвест-

НОМ языке.

Язык этот был причудлив и трогателен, и как-то даже сочетался с его внешностью. Это было странно: я не понимал ни единого слова, но зато понимал значение предложений. Читатель спросит, как такое может быть? Я понимал их на уровне воспоминаний-ощущений, которые они во мне вызывали, то есть, предполагаю, их смысл в том и заключался, чтобы их вызывать. Пока старик говорил, я вспоминал и переживал какие-то моменты своей жизни, в которые ощущал его присутствие, моменты – из раннего детства, и будь то бы из снов или иной жизни, – которые до сего времени были забыты мной.

На всякую мою мысль у него был вкрадчивый мысленный ответ, пожалуй, даже более, чем определённый, ибо ответом была сама доброжелательность. Впрочем, отчётливо помню, как сказал ему:

– Я вижу сны, но хочу увидеть реальность, если, конечно, вообще возможно выйти за границы наших представлений, если нечто существует вне этих границ...

– Вот реальность, – моим языком сказал на это старик.

Тут же сад исчез, а пред моим взором возникла пустота, такая, в которой не было абсолютно никого и ничего.

– Она – мать всякой реальности, – произнёс я, словно перевёл его мысль, и испытал от осознания этих слов невероятное потрясение. – Вечное материнство...

– Ни одна мысль не достигает её, – сказал старик, – ника-

кая тяжёлая энергия не достигает.

– Бесчисленные миры... все они дети пустоты... и каждый миг рождается – разворачивается, уносясь от неё – бесчисленное множество миров... не иначе как связанных между собой, – проговаривал я мысли вслух, внимая собственному сердцу и разуму.

– Ничто не рождается из пустоты, всё рождается от полноты, – поправил меня старик. – Абсолютная пустота и полнота, приводящая к взрыву, рождению – единовременны.

– Сердцем нельзя войти в эту реальность. Сердце может быть прекрасно и чисто, но всё же не может войти... – ощутив вдруг укол печали, сказал себе я.

– Шаг к безвременному лёгок и на сердце легко в тот миг. Лёгкая энергия легко достигает начала начал, – сказал на это старик.

– Я понимаю, – произнёс я, – когда-то ты был дома, а потом долго отсутствовал, но долгое отсутствие не означает, что нужны будут усилия, чтобы вернуться обратно. И мы возвращаемся туда, откуда пришли, и с тем, с чем пришли – мы не можем взять с собой ровным счётом ничего. Нет, какое-то ложное чувство, что-то в этих словах не так...

– В словах всегда что-то не так, – улыбаясь, произнёс старик. – Когда мы начинаем превращать энергию в словесность, мы поначалу кажемся себе правыми, ибо в начале превращения принимает участие большее количество энергии, чем потом. Мы постепенно выдыхаемся, и вот нам уже ка-

жется, что мы заблуждаемся. В тебе было больше освобождённой энергии, когда ты произнёс первое предложение, а затем тебе не хватило её, чтобы в очередной раз подняться над собственным умом. Так часто бывает. Тому, кто жаждет вкушать плоды мудрости, следует поддерживать своё внутреннее безмолвие.

Мы шли по дивной летней аллее, которая как будто вела обратно в парк. Навстречу нам дул приятный ветерок. Моё настроение, несколько омрачённое «ложным чувством», снова стало беззаботным. Над нами и прямо возле нас летали птицы – одни выглядели вполне обычными, а другие как сказочные существа – из-за своих огромных размеров и яркого оперенья. Удивление, восторг, ощущение счастья... но всё это в соседстве с чувством, что приближается осень, что тёплый воздух скоро сменится на холодный, радужный день на дождливый и пасмурный.

– Совсем ещё недавно я любил больше всего осень. Но теперь мне как никогда жаль, что уходит лето. Даже как-то не по себе от мысли о предстоящих переменах, – поделился я своими чувствами со стариком.

И словно в подтверждение моих слов аллея вскоре разделилась на две абсолютно разные половины. Правда, разглядел я это немного позже, потому как прежде взгляд приковало к себе дерево, внезапно выросшее у нас на пути. К моему изумлению, перешедшему затем в бурную радость, это была яблоня – изобилующая плодами, и, вместе с тем, такая пре-

красная и стройная! Она точно являлась началом и продолжением той сказки, в которой мне посчастливилось оказаться, и которая по недавнему моему ощущению должна была вот-вот закончиться. «Значит ли это, что у неё есть вечное продолжение?» – с замиранием сердца подумал я. Яблоня явно выделялась на фоне других деревьев, и ей явно было не место там, однако она находилась как раз на той черте, где заканчивалась одна аллея и начиналась совсем другая. Она – понял я – и является тем, что их разделяет.

– Поверить не могу, что всё это происходит в заброшенном парке. На моей памяти в нём не существует подобных мест. Этой аллеи, например...

– Но в нём существуют чудеса, – дал на это простой ответ старик.

– Вот только никто не понимает, почему они происходят, вернее происходили, – сказал я.

Мои слова его почему-то развеселили. С благосклонной улыбкой он посмотрел на меня и сказал, будто в ответ на мои мысли:

– Скоро её здесь не будет, и две аллеи вновь соединятся в одну. Как ты уже догадался, эта яблоня особенная. Она из тех деревьев, что выращены мудрецами.

В этот момент мы оказались рядом с ней. Он протянул руку и легонько сорвал яблоко, а после дал его мне.

– А почему особенная?

– Она не погибнет, пока кто-нибудь не насытится её пло-

дами.

– Это так похоже на сказку... А что произойдёт, если я отведаю?

– Ничего. Ты уже отведал. А то, что ты держишь в руке, всего лишь обыкновенное яблоко. Можешь съесть его, если ощущаешь голод.

Чуть погодя старик добавил:

– Люди часто принимают за чудеса обыкновенные яблоки.

– Что же тогда является чудом? – сам собой возник у меня вопрос.

– Всё. Всё в целом является чудом.

С этими словами старик исчез. Я посмотрел на дерево, подумав о том, что оно тоже могло исчезнуть. Пока что оно только отдалилось, впрочем, скорее это я от него отдалился, потому как стоял уже в другой, окутанной мраком части аллеи. «Ещё не всё», – сказал я себе и, собравшись с силами (ибо чувствовал, что они мне понадобятся), двинулся в его сторону. Путь мне преградил сильный ветер. И, навевая тревогу, некто в глубине меня произнёс: «Твоё время закончилось, твои возможности исчерпаны». Однако я решил не сдаваться. Мне хотелось закричать: «Я не понимаю, почему это со мной происходит, почему это обязательно должно со мной происходить?!» Но вдруг вспомнились слова профессора Рольпера о бесконечной и бессмысленной борьбе с тенью, внутренней тьмой. Эти слова как-то всё упрощали. В жизни на самом деле всё гораздо проще, чем мы ду-

маем. Сложно как раз потому, что мы думаем, и потому, что на каждое действие есть противодействие. Но если не предпринимать ничего... быть только свидетелем противоборства сил, довериться природе, позволить ей примирить их...

Внутренняя борьба, внушающие тревогу перемены... оказалось, этого вполне и даже с легкостью можно избежать. Я коснулся рукою листьев, вдохнул аромат спелых яблок, произнеся про себя: «Нет никакого сильного ветра, если только мои собственные мысли не создадут его, нет никакой трудности в том, чтобы преодолеть расстояние, которого в действительности не существует». После чего улыбка сама собой появилась у меня на лице. Я сел под яблоню и – что было явной дерзостью с моей стороны в подобных обстоятельствах – закрыл глаза. «Будь, что будет. Пусть произойдёт то, что должно произойти. А если ничего не произойдёт, я просто открою глаза и отправлюсь домой», – дал я себе небольшое напутствие.

Так и случилось. Спустя некоторое (неопределённое) количество времени я встал и отправился домой. Вот только вскоре понял, что ни ограждения аттракционов, ни сами аттракционы, мимо которых вела меня дорога, не должны выглядеть как новые. «Неужели я всё ещё сплю?» Я стал вспоминать, где и когда уснул, и вспомнил про яблоню. Решил, что для того, чтобы проснуться, мне нужно вернуться к ней. Но не пришлось никуда возвращаться. Я просто открыл гла-

за и вновь очутился под яблоней. Правда... это было уже совсем не то место.

Я находился на маленьком островке земли, который значительно возвышался над окружающей местностью. Последняя имела мало сходства с Вильским парком, и ещё меньше с реальностью. Она была голой (на ней не росло ни одного деревца, ни одного кустика) и вместе с тем многоцветной, как если бы вся была покрыта осыпавшейся с аттракционов краской. Сами аттракционы выглядели, словно ржавые остовы неких загадочных строений на давно обезлюдившей земле, и, будучи полностью обесцвеченными, обезличенными, частично растворялись в низком пасмурном небе. Но даже ни это было самым странным и нереальным... Вокруг стояла тишина, но при этом везде что-то мельтешило, как будто вился рой гигантских мух, или как будто по небу бегали лучи прожекторов. Впрочем, что именно это было, недолго оставалось для меня загадкой. Пустующее задумчивое пространство между небом и землёй вдруг наполнили десятки, или, может быть, сотни летательных аппаратов, от светящихся шаров до туманно-серых тарелок, и ещё большее множество вытянутых и полупрозрачных силуэтов, лишь отдалённо напоминающих человеческие. Рассмотрев, как следует картину, я понял, что за ней стоит что-то ещё, какие-то действия, какая-то выполняемая пришельцами работа. Они как будто... и тут меня осенило: они как будто возвращают к жизни парк. А когда-то его неоднократно пытались рекон-

струировать и модернизировать люди. Только у последних это никак не получалось – им препятствовала в этом сверхъестественная сила, та самая сила, которую в живом обличье я вижу сейчас перед собой. В результате тщетных и небезопасных попыток придать ему иной, полностью отвечающий современным вкусам вид Вильский парк стал закрытой аномальной зоной, посещать которую могли лишь отдельные лица... Но тогда почему пришельцы – коими изобилуют рассказы очевидцев таинственных явлений – не дали людям сделать то, что делают сами? Или они вовсе не возрождают парк, а, наоборот, до конца уничтожают его, – что даже больше похоже на правду?.. Или же люди пытались сделать вовсе не то же самое?.. Слишком много возникало вопросов. Прежде их было и то меньше. Я вдруг с грустью осознал, что перестал что-либо понимать. История с заброшенным парком превращалась в какое-то безумие, бессмыслицу, а моё внутреннее путешествие, как сказал бы мой знакомец Алан Хартер, в поиск смысла в бессмыслице. Нет, всему этому должно быть разумное, не в ущерб иррациональному рациональное объяснение! Не исключено, и даже очень вероятно, что на самом деле оно гораздо проще, чем мне кажется.

Изучив островок-возвышенность, на котором я сидел (потребность в этом возникла ввиду моего небезопасного положения), я понял, что он выглядит, как надкушенное со всех сторон яблоко. Из чего следовало, что в любой момент он может обрушиться. Но каков выход? «Либо попробовать

проснуться, либо... просто продолжать наблюдать, не испытывая при этом страха, ведь страх – это на самом деле единственное, что может его обрушить», – сказал я себе, вспомнив о том, что рядом со мной дерево мудрости. После чего понял кое-что ещё: это вовсе не я в опасности, а история нашего парка, и тех людей, с которыми сегодня познакомился и которые сразу же стали мне близки; это дерево мудрости в опасности... Но причём здесь дерево? Какое отношение оно может иметь к заброшенному парку?..

Как следует подумать над этим я не успел. Передо мной вдруг возник пришелец – чьё лицо напомнило лицо пожилого индейца. Мгновение он сверлил меня бездонным взглядом, а затем приложил руку к точке моего третьего глаза. По мне пробежал электрический ток. От сильной боли я закрыл глаза, а когда затем открыл их, то увидел перед собой совершенно другую картину.

На этот раз всё выглядело как в реальности. И парк, и люди, и аттракционы... Только это была реальность другого, давно миновавшего времени.

Я увидел мальчишку лет двенадцати или тринадцати. Он стоял прямо передо мной и, задрав голову (прямо как я когда-то на этом же самом месте), смотрел на вращающееся в небе колесо «Сатурна». К мальчишке подошли его родители. Он опустил голову, и по выражению его лица я понял, что в парке ему вовсе не так интересно, как мне показалось. Кого-то он мне напоминал...

– Сын, но ведь ты же гулял с мистером Джеффом совсем недавно, – заговорил с ним отец. – Давай я оплачу тебе этот аттракцион... или хочешь, потом ещё тот. И отправимся домой. Ты же помнишь, сегодня возвращается твоя сестра, приедут ещё бабушка с дедушкой. Давай?

– До их приезда целая куча времени. А мне нужно всего немного...

– Винер... – попыталась заговорить с ним мать, но почему-то остановилась, передумала.

Так вот, кто этот мальчик – мой сегодняшний проводник мистер Винер Степс!

Отец продолжительно смотрел на мать, которая испытывала понятные ему сомнения.

– Ну, не знаю, – пожала плечами она, судя по всему решаясь на что-то. Но в результате предприняла очередную неуверенную попытку: – Может быть, всё-таки пойдём домой, Вин...

– Почему бы вам не пойти без меня? – не собиравшись сдаваться юный Винер.

– Но... – и вновь мать осеклась.

Настал черёд отца:

– Мы не понимаем, Вин, почему вас всех, словно магнитом притягивает к себе мистер Джефф? Да, он человек необычный, настоящий силач, хотя по его комплекции так не скажешь, и к тому же фокусник... соглашусь, фокусник он тоже такой, каких поискать, но... вы готовы всё своё вре-

мя проводить с ним. А это... ну, как-то это не совсем правильно.

– Мы не так уж и много времени проводим с мистером Джеффом, – отвечал отцу Вин. – К тому же, помните, я вам говорил, что без меня дети могут не понять его.

– Но как ты его понимаешь? – озадачился отец.

Вин как будто не услышал его вопроса.

– Сын, мы с отцом просто переживаем, – вдохновилась на беседу мать. – И не только мы, многие родители. Таков ли этот мистер Джефф, каким кажется? Просто – ты уж прости нас – нам сложно поверить в то, что такие люди, как он, бывают.

– Мама, папа, мистер Джефф именно такой, какой есть, даже если он единственный на свете!

– Ладно, будь по-твоему, – согласился отец. – Иди. Только, прошу тебя, надолго не задерживайся!

– Спасибо, пап! Мам, спасибо! Сегодня один мальчик должен принести саженец. Мы с мистером Джеффом посадим его в землю!

– Саженец?..

– Да, яблоневого! Из него вырастет наше общее дерево!

Мальчик умчался, а родители остались стоять – пребывая в некотором недоумении.

– Ты что-нибудь поняла?

– Боюсь только то, что мы оба плохо знаем, чем увлекается наш сын.

– Но... хоть убей, не понимаю, как немой сорокадвухлетний джентльмен может оказывать на детей такое влияние?! Они же на нём буквально помешаны. Даже аттракционы им не интересны, дай походить по тропам мистера Джеффа! А ведь при этом никто точно не знает, откуда этот человек взялся, кем был прежде, и с какой радости живёт в парке, не имея ни дома, ни семьи – хотя, впрочем, это тоже никому наверняка неизвестно.

После этих слов я проснулся, теперь уже по-настоящему.

Ночь, футбольное поле, мириады звёзд, покоящийся в углу ворот мяч, глубоко уснувшее и напоминающее корабельный остов здание. При виде последнего мне сразу же вспомнились обезличенные аттракционы из моих видений. Вот, значит, что повлияло на их образ! Что ж, вероятно, не они должны быть заброшены, а это здание не должно было здесь появиться.

Сложно было в это поверить, но... долгая и таинственная история Вильского парка расставалась со своей тайной. Кто-то скажет, что это субъективно, что речь лишь о моих собственных видениях и интерпретации. Я не стану с этим спорить. Но для меня... мои собственные ощущения всегда были убедительнее любых аргументов.

Итак, сейчас я расскажу нечто общеизвестное и добавлю к нему лишь то небольшое, что было навеяно мне чувством в ту ночь, то, от осознания чего мне хотелось танцевать, радоваться и плакать одновременно.

Все мы помним время, когда наш Вильский парк был вполне обычным. Единственным его существенным отличием от других европейских парков развлечений и отдыха являлись его размеры. Он был (разумеется, таков он и сейчас) значительно больше любого из них. Все мы, конечно, помним и то, что примерно двадцать пять лет назад в нашем городе, а точнее в нашем парке появился некто мистер Джефф, который с первых же дней стал его легендой. Кем он был, откуда пришёл – для многих было и до сей поры остаётся загадкой. Одни уверяли в том, что он работал в каком-то цирке, другие заявляли, что официально он нигде не числился. Среди младшего поколения, которому мистер Джефф был ближе, ходили слухи, что он приехал с далёкого востока, из Тибета, если быть точным, где половину жизни провёл в монастыре. Одни уверяли в том, что он расстался со своей семьёй, другие заявляли, что семьи у него никогда не было. Словом, ходило о нём много разных разговоров и легенд. Но что бы из них ни было правдой, в главном мнения людей сходились: этот человек завораживал, – и не только необычными трюками и мастерским их исполнением, но – в первую очередь – своей неисчерпаемой энергией и жизнерадостностью; его любила вся городская детвора. Взрослые дали ему прозвище «Человек-аттракцион» – потому что для их малых детей он был лучшим аттракционом в парке. Порой он выглядел одиноким и задумчивым, и, так как ничего не мог рассказать о своих переживаниях, это давало повод

сомневаться в нём: что если у мистера Джеффа есть какое-то скрытое психическое расстройство, которое рано или поздно даст о себе знать? Не странно ли, что он бездомный и живёт совершенно один? Странно – как и то, что в нём было столько задора и силы, что их легко хватило бы на нескольких человек.

Я тоже помню это время. Когда мистер Джефф появился, мне было около шести. Возвращаясь в ту ночь домой, я, как наяву, видел себя и своих сверстников в отряде, следующем за мистером Джеффом по его сказочным тропам, слышал отголоски наших разговоров и смеха. Образ этого большого во всех смыслах человека, который как чудо, как живой источник счастья, часто будоражил моё детское сознание, ожил во мне спустя годы.

Мистер Джефф был с нашим городом на протяжении семи лет. Затем его не стало. Вильский парк без этого человека «опустел» и начал терять популярность.

По прошествии двух лет перед властями города встанет вопрос о его реконструкции и модернизации, а также о возможном сокращении его земельной площади. Незадолго до начала запланированных работ группа инвесторов получит от властей разрешение на застройку близлежащей к парку территории и части его окраины. Парковый сад будет выкорчеван, и вместе со всеми деревьями погибнет дерево мудрости, посаженное когда-то мистером Джеффом и ребятами. На месте сада вырастет один из корпусов делового центра.

Как мы знаем, именно тогда у горожан и стали возникать проблемы с Вильским парком. Начатые в нём работы словно упёрлись во что-то невидимое: строительная техника стала часто выходить из строя, а рабочие чувствовать недомогание. В результате было решено приостановить работы до выяснения загадочных обстоятельств. Однако выяснить обстоятельства не удалось.

Попытки вернуться к работам спустя некоторое время приведут к печальным последствиям. Но, с другой стороны, ситуация с Вильским парком получит мировую огласку, привлечёт внимание учёных-исследователей, а также самой Верховной Академии; на его территорию ступят экстрасенсы. Впрочем, невзирая ни на что, тайна парка по-прежнему будет оставаться под замком, как и его ворота для общественных масс. Позже суета вокруг него уляжется, и он, что называется, станет заброшенным. Но как раз вскоре после этого он оживёт, оставленная в покое тайна как будто сама захочет приоткрыться.

Чем больше будет у него наблюдателей, тем чаще будут происходить в нём загадочные, порой совершенно необъяснимые вещи, которые мы вскоре будем привычно называть чудесами. А спустя ещё немного времени, они убедят в своём существовании практически всех жителей нашего города.

Но... возникает вопрос, похожий на тот, который прозвучал вначале моего рассказа: что такого произошло недавно, что чудеса (назову их снова таинственными явлениями), по

заверению мистера Минроя, навсегда ушли из нашей жизни? В связи с этим вспоминаются слова мудрого старца: «Скоро её здесь не будет, и две аллеи вновь соединятся в одну. Как ты уже догадался, эта яблоня особенная. Она из тех деревьев, что выращены мудрецами». Так в результате чего многолетняя, полная загадок история Вильского парка вдруг подошла к своему завершению? Ответ подсказал мне мистер Минрой: «Ещё один мой друг, мистер Винер Степс... Много лет он прожил в Далмаке, но вот наконец-то вернулся в родной город!» Он произнёс это так, словно приезд его друга очень много для него значил. Можно с уверенностью сказать: он много значил и значит не только для него, но и для всего нашего города.

Сотни учёных и людей со сверхспособностями пытались пролить свет на тайну заброшенного парка, – в результате мы получали от них теории, общие сведения и интерпретации самих явлений, но определённого ответа на главный вопрос никто из них так и не дал. Дерево мудрости ждало своего мудреца, того, кто насытился его плодами. А таким был один единственный человек.

Вначале своих размышлений я сказал, что история расстаётся со своей тайной; но это не так – ибо она и есть Тайна.

Через три дня после описанных приключений, я получил сообщение от Уилла Минроя: «Если располагаете временем, приходите в полдень по адресу: Миднайт стрит, 13. Очень

вас ждём».

Но первое, что ждало меня в указанном месте, это картина, при виде которой я невольно сбавил шаг, а затем и вовсе остановился, и застыл. Лицевая часть дома, включая крышу, была полностью забросана помидорами. У входа дежурили два охранника, приставленные, как позже я узнал, Верховной Академией. Один из них, сделав несколько шагов в мою сторону, обратился ко мне с вопросом-утверждением:

– Вы Вил Гальпурге?!

С грустью в голосе я ответил:

– Он самый, сэр.

– Что вы, не стоит огорчаться! Можно подумать, после подобных признаний люди пришли бы сюда в восторженном настроении и с букетами цветов, – заиграла улыбка на лице пристава. – Не стойте, проходите-ка лучше в дом!

В пустынном холле первого этажа не было никого, кроме горничной, которая, стоя перед зеркалом, заплетала волосы и пела. У неё был прекрасный голос, – и на моём лице сама собою появилась улыбка. Мы пожелали друг другу доброго дня.

– Проходите на второй этаж, мистер. Лестница чуть левее, – приветливым тоном добавила она.

Там все были в сборе. Не хватало только Алена Хартера и его паука. Что приятно меня удивило, у всех было замечательное, можно даже сказать, праздничное настроение. Тед импровизировал в мажоре на фортепиано. Рядом с ним сто-

ял Мэл, который, судя по выражению глаз и улыбке на лице, с задором читал газету. Кристина и Дейл весело играли в виртуальную игру в обществе Эльзы. Остальные расслабленно сидели в креслах напротив фуршетного стола, пестреющего бокалами с вином, закусками и сладостями.

После того, как мы обменялись словами приветствия и рукопожатиями, я обратил внимание на компьютерное оборудование, расположенное прямо на полу посреди комнаты. Утром того дня я видел точно такую же картину – на экране телевизора во время новостей.

– Значит, это и есть та самая комната, из которой вы управляли подземной студией в парке?..

– Не управляли, – потому что это делал только Уилл, – уточнил Мэл.

– Когда за внешней стороной парка установили техническое наблюдение, пришлось большую часть времени работать удалённо, благо материала для этого было достаточно. А когда центральные ворота открылись для всех, мы снова собрались вместе в нашей подземной лаборатории, – коротко поведал мистер Уилл, и жестом пригласил всех подойти к столу. – Отведайте с нами этого чудесного вина, Вилл!

Мы отведали. После чего он сказал:

– Как только я получил ваш рассказ, тотчас же прочёл его. Думаю вот что: он будет неполным без того, что я вам сейчас расскажу – равно как была бы неполной наша общая история. Наверняка вы хотите спросить, как я узнал то, что той

ночью узнали вы...

– Я действительно... шёл сюда с этим вопросом, – удивлённо произнёс я.

– Как-то вечером – когда все посетители разошлись – я бродил по парку, что было вполне обычным для меня делом. И проходя мимо «Сатурна», заметил нечто странное: кого-то или что-то, что находилось на одном из посадочных мест его нижнего колеса. Для того, чтобы являться человеком, объект был слишком габаритным, и вместе с тем он имел человеческую форму. Ни секунды не сомневаясь в своих действиях, я перелез через ограждение и поднялся на карусель. Добравшись до загадочного объекта, сел напротив него. Что бы вы думали, это было? Или кто?..

– Пришелец?.. – без раздумий ответил я.

– Я не раз видел его прежде. В нём было не меньше девяти футов роста. Узкие плечи, длинные руки, огромная вытянутая голова, складки на лице. Глаза – точно два иллюминатора с видом на тёмное звездное небо. Всё говорило о том, что он либо спит, либо вообще мёртв. Я просидел возле него минут двадцать и за это время успел так расслабиться, что даже начал задумываться.

Представьте себе картину, Вил! Человек и гигантский пришелец сидят среди ночи на карусели в безлюдном парке. О чём она может рассказать? Что может сулить человеку такая встреча? Для меня в этом была полная неопределённость. Впрочем, если пришелец – всего лишь мумия, то ни-

чего... картина, даже будучи столь странной, теряет смысл.

Но когда я собрался уходить, заметил движение в его взгляде. Всмотревшись в его глаза, почувствовал, что они что-то выражают. Я не мог знать наверняка, что, но... из всех возможных чувств, пожалуй, больше всего подходила тоска. А потом... из россыпи звёзд в тёмном небе образовались две большие, живые звезды. Стало ясно: он смотрит на меня, смотрит и видит. Не делая никаких других движений, пришелец медленно протянул ко мне руку и приложил палец ко лбу. В этот момент карусель начала вращаться. И сразу же разогналась до сумасшедшей скорости, на которой меня выбросило из неё. Падение, удар, кратковременная агония, смерть, какая-то даже глупая смерть – всё это за мгновение промчалось в моём сознании. Но полёт явно затянулся... На самом деле это была иллюзия, ощущение, вызванное выходом из тела. Едва поняв это, разум перенёсся куда-то очень далеко, возможно, на край Вселенной. То, что я там увидел и почувствовал, трудно описать. Небесный океан, полный красок и света, в котором повсюду плывут, купаются подобно восходящему солнцу в облаках, гигантские пузыри. Все они обвиты и связаны между собой светящимися волокнами, – точно коконы, но только прозрачные. Каждый из них, как подсказывало мне чувство, это отдельный мир.

Я направился к тому, что был ближе ко мне. И он тут же стал расти, уплотняться и темнеть. Вблизи он уже не походил на прозрачный пузырь.

Заслонив собою всё прочее, мир затягивал меня, затягивал в водоворот своей жизни, в свои законы, в свою вероятность и постоянство. Как только я вошёл в него, сразу же столкнулся, будто с неким мифическим существом, с его тьмой. Это было невероятно, ведь вдалеке он выглядел совершенно иначе... Но ещё больше я поразился, когда тьма вдруг отступила. Огромной массой она ринулась вниз, увлекая и меня за собой. А затем... ощущение телесности, твердь под ногами, дыхание, открываю глаза, вижу и вспоминаю: я там же, где и был, и при этом со мной всё в порядке. Одно только но: вместо долговязого пришельца напротив меня сидит человек. Мне очень хорошо запомнилась его внешность. Большое жизнерадостное лицо, добрый, но в то же время и пронизывающий до дрожи взгляд; крепкие плечи... На нём был тёмный сюртук, а под сюртуком светлая рубашка с открытым воротом; на голове его сидела классическая шляпа.

Я спросил:

– Кто вы?

Он ответил:

– Фокусник, как и вы!

Эти слова буквально перевернули моё сознание. В тот вечер со мной произошёл не один случай, а два совершенно разных и почти не связанных друг с другом события. И сказать, какое из них потрясло меня в большей степени, не так-то просто. Судите сами. В результате первого мне стал повсюду грезиться человек, занимающийся тем же, чем и я.

Всё, что не было создано мной и моими друзьями, было создано им, а не являлось действиями каких-то потусторонних сил, как все считали, как считал и я сам. Мистический парк... никакой не мистический, он – просто арена двух заигравшихся иллюзионистов. И как только все об этом узнают, одна из самых таинственных и нашумевших в современном мире историй в одночасье превратится в одну из самых нелепых. Только представьте, какие последствия повлекла бы за собой столь вопиющая правда!

Зато пережитый мной духовный опыт вселял чувство оптимизма, которое не угасало даже при мысли о том парне. Я думал: неужели ему так хотелось заявить о себе, что он разыграл со мной эту сцену? На то должно быть честолюбие и вполне заурядный ум. Однако его глаза говорили совсем о другом, в них отражалось знание и богатый опыт. Возможно, я что-то недопонял, возможно, его слова имели какой-то иной смысл. Но тогда какой?

Я долго думал над этим вопросом, но удовлетворительного ответа так и не нашёл. То, что произошло со мной в тот вечер, могло бы навсегда остаться загадкой, если бы однажды... если бы однажды вот за таким же столом, в такой же тёплой, домашней атмосфере я не рассказал об этом своим друзьям. Каким же я был дураком, что не сделал этого раньше!

Поначалу они были в том же недоумении, что и я. Но потом Мэгги попросила меня описать виденного мной челове-

ка. Когда Мэл, Тед и Алан взглянули на выполненный ею портрет, они изменились в лице...

– Это был мистер Джефф, – закончил вместо него я и поочередно встретился взглядом с Мэлом, Тедом и Аланом.

– Об этом человеке я даже не слышал. Но они много рассказали мне о нём; упомянули в своём рассказе и дерево мудрости, и друга детства Винера Степса. В свою очередь я вызвал у них удивление, сказав, что последнего знаю довольно давно, и что он является также и моим другом. Когда разговор зашёл о Вине, всё мгновенно прояснилось. Мы легко и быстро пришли к единому мнению: если, кто и сможет положить конец истории заброшенного парка, так только тот, чьими руками было посажено дерево мудрости, тот, кто обладает даром просветления, как и мистер Джефф. Я написал Вину в Далмак, и он откликнулся. После прибытия на родину, он почти неделю не выходил из дома. А потом отправился в парк и пробыл в нём с вечера до утра. В тот же день, нисколько не сомневаясь в своём друге, я сделал заявление для прессы. Ну, и через день после того мы встретились с вами в парке.

– Это мистер Винер... указал на меня? – спросил я.

– Хотите знать, зачем ему это было нужно? – задал мне встречный вопрос Алан.

– Кажется, я знаю, – ответил я.

– И всё же – чтобы вы не сомневались на свой счёт – скажу вам. У этой истории бессловесное начало; таким же может

быть и её конец. Люди так и не узнают, что произошло, либо в большинстве своём не поймут. Но с помощью слова (с вашей помощью, Вил) есть шанс это изменить.

– Но не только в этом причина. Вин хотел, чтобы прежде, чем чудеса канут в лету, вы получили ценный опыт, – добавил Мэл.

– Почему именно я? И потом, рассказать эту историю может любой из вас. Разве нет?

Мэл несколько секунд сверлил меня взглядом, едва заметно улыбаясь при этом, а потом произнёс:

– Просто профессор Рольпер, знакомя нашего друга с делом о заброшенном парке, не обошёлся без упоминания о вас. Но, позвольте, задам вам встречный вопрос: почему не вы?

В комнате на какое-то время воцарилось молчание. Затем детский голос его прервал:

– Мистер Уилл, но вы так и не сказали, кого встретили тогда в парке.

– Я сказал, что это был пришелец. Ты прослушал, Дейл.

– А потом вы говорили о человеке...

– К счастью, человек, о котором я говорил, растворился. Не было никакой иллюзии в том, что я видел. Но знаешь, хорошо, что ты вернул меня к этой теме. Мне хотелось сказать ещё вот что.

С чувством и расстановкой Уилл продолжил:

– Я часто об этом вспоминаю: согласно моему описанию

пришелец спал; на самом же деле это больше относилось ко мне. Что сделал он, увидев меня перед собой? То же, что делаем мы, когда входим в тёмное, или, скажем, слабо освещенное помещение. Протянул руку и зажёл во мне свет. Сначала он пробудил меня, и только после этого дал подсказку.

– Но кто они, и почему пришли сюда? То, что мы знаем, не даёт исчерпывающих ответов на эти вопросы, – сказал я.

– Есть основания полагать, что история нашей цивилизации имеет немало общего с их историей. Если это так, они – наше возможное будущее. Подумайте вот о чём: наши дети напоминают нас, и их жизнь во многом напоминает нашу жизнь. Нам взрослым нравится быть наблюдателями. Мы наблюдаем за тем, как они играют, и обычно не встречаем в их игру по пустякам. Мы переходим к действиям, когда ситуация требует нашего участия.

А теперь вспомните о тех тенденциях в современном мире, которых вы коснулись в вашем первом рассказе.

– Скажу иначе, – встал со своего места Алан... – сотни учёных усердно трудятся над тем, чтобы перевести человечество на новый уровень. Так что полноценная и весьма заманчивая альтернатива обычной жизни – лишь вопрос времени. Разум может оказаться в такой ловушке, из которой уже не будет выхода.

– Всё не так сложно, как кажется. И я думаю, нам вовсе не обязательно знать больше, чем мы уже знаем, – подытожил Мэл.

Глава 3

Прощание с профессором

Спустя три месяца мистер Минрой позвал нас, чтобы сообщить две важные новости. Первая – и радостная и грустная одновременно – заключалась в том, что ему пришло письмо с Далмака от его бывшей супруги и дочери, и в ближайшее время он отправится к ним. Вторая – скорее радостная, чем грустная – касалась в большей степени меня.

– Друзья мои, я получил не одно письмо, а два. Отправителем второго является мистер Генрих Рольпер. Дорогой Вильгельм, он приглашает вас посетить планету двух солнц! Разрешение на путешествие и все расходы, связанные с ним – элементарные заботы Верховной Академии. Если у вас есть для этого достаточно свободного времени и возможность, милости прошу. Составите мне компанию. Как следует взвесьте это, и в течение суток жду от вас ответа.

Как следует взвесив, я ответил положительно.

Всё чаще доводится слышать о том, что перегрузки, связанные с перемещением из одного пространственно-временного континуума в другой, не оказали значительного влияния на работу организма. Мой случай, к сожалению, не стал одним из таких исключений. Во время перемещения я чувствовал себя – просто и одним словом – ужасно. А после при-

бытия на Далмак так, будто заболел некой экзотической болезнью: сильного дискомфорта уже не было, но зато всё, что происходило вокруг, всё, что говорили мистер Уилл, который в отличие от меня мог передвигаться самостоятельно, и мистер Рольпер, я воспринимал, словно сквозь сон.

К счастью восстановительные процедуры, проводимые на территории космопорта, довольно быстро возвращают путешественника в норму. Под открытое небо Далмака я выходил всего-навсего с ощущением, что провёл ночь без сна. А через несколько минут полёта в такси уже мог наслаждаться пейзажем.

На мой вопрос «Куда мы летим?» мистер Рольпер ответил с энтузиазмом:

– Я, кажется, знаю, что вам сейчас нужно... А если окажется, что я ошибся, не предложив вам отдых в отеле, то ситуацию не сложно будет исправить.

Когда наше такси приземлилось, мистер Рольпер встал возле двери и жестом предложил мне выйти первому.

Мы оказались на Бархатном побережье, пейзажи которого известны едва ли не каждому жителю Земли благодаря своей простоте и удивительному сходству с родственными им земными пейзажами. Всё, что окружает здесь путника – это небо, море и галька. А всё, что есть здесь искусственного – это скамейки, всего по одной на каждые полмили.

– Среди множества и разнообразия уединённых мест, любимых путешественниками, эти места особенны тем,

что в них нет ничего особенного. Чудесный воздух, глубокие дали и шёпот волн. Что ещё нужно?.. – сказал мистер Рольпер.

– Разве что глянцевая поверхность моря напоминает Луну.

Хочу сказать, что я очень благодарен вам, – и за то, что вы привезли меня сюда и за Далмак в целом. Возможно, если бы не вы, моя мечта увидеть его вживую, никогда бы не воплотилась.

– Ваша мечта воплотилась благодаря вам, мой мальчик. И потом, не забывайте, что и мне есть, за что благодарить вас.

Мы сели на скамейку, и долгое время довольствовались молчанием. Затем мистер Рольпер предложил пройтись.

Медленно бредя по берегу, мы разговорились. Профессор рассказал мне о Далмаке много такого, чего я не знал. От этих рассказов у меня захватывало дух. В свою очередь его взволновали подробности истории Вильского парка.

– Вы уже опубликовали ваш рассказ?

– Опубликовал, – неоднозначным тоном ответил я.

– После чего, как видно, получили немало негативных отзывов. И они гнетут вас, вынуждают испытывать сомнения.

– Даже те, кто когда-то меня поддержал, сказали, что своими действиями я совершил не что иное, как предательство. Одно из писем мне запомнилось дословно: «Вы предали наш парк! Вы предали наш город! Благодаря вашей истории (подчёркиваю слово «вашей»), поскольку в ней много надуман-

ного вами) и, конечно же, вашим друзьям, материалисты теперь, то есть те, кто считает, что душа – это медуза, прибегают в восторге! Они наконец-то заполучат Вильский парк, и сделают с ним всё, что душа... прошу прощения, медуза пожелает. А на ваш рассказ им наплевать. То, что вы выкопали, вы тотчас же и закопали обратно в землю. Совершенный вами необдуманый поступок – вот что действительно войдёт в историю». Я действительно часто испытываю сомнения. Разум затуманивается мыслями, от которых не просто избавиться. А потом чувствую себя раздражённым. Иногда сомневаюсь во всём и вся. Может быть, то, что я пережил, было всего лишь обычным сновидением, которое я трактовал так, как мне заблагорассудилось? И, может быть, мои друзья, также как и я, излишне увлечены собственным творчеством (выражаясь более понятным языком, слегка не в своём уме)? А если всё это правда, то, возможно, мне просто не стоило о ней говорить. Словом, я помог отнять – причём, у своих же соотечественников – великую достопримечательность, храм, связывающий их с иным миром.

Профессор с улыбкой – уже знакомой и понятной мне – смотрел на меня.

– Я понимаю, я мнителен... – немного смущённо ответил я на его улыбку, и сразу же почувствовал, что выразился неловко.

– Проблема не в том, что вы мнительны. Подумайте, ведь благодаря грузу тревог и сомнений вы знаете, сколь ценен

баланс. Слово «недостаток» подразумевает не наличие, а нехватку чего-либо. Думаю, вам просто нужно время, чтобы привыкнуть к новой, гораздо более заметной роли в обществе. Немного времени, и вы научитесь дистанцироваться, не воспринимать всерьёз подобные нападки. Продолжайте прислушиваться к своим ощущениям, доверяйте себе, тогда и благосклонность к другим и их мнениям, о которой вы говорили, будет с вами в любой ситуации.

Хочу вас немного порадовать: в своём видении истории Вильского парка вы и ваши друзья отнюдь не одиноки. За несколько дней до того, как пригласить вас на Далмак, я устроил собрание членов Верховной Академии по случаю завершения этой истории. На нём я последовательно изложил её от начала до конца, приводя выдержки из текстов различных авторов, бывших очевидцами таинственных явлений, в том числе, конечно, и из вашего текста, и сопровождая их документальными видеозаписями времён мистера Джеффа. В итоге нам удалось прийти к согласию. Поверить в то, что вы написали, было непросто, однако... в вашу пользу говорил тот факт, что в настоящее время в заброшенном парке действительно не происходит ничего сверхъестественного; аппаратура в нём работает, видеонаблюдение тоже...

– Я действительно этому рад! Но никому не показалось странным, что аппаратура мистера Уилла работала в нём всегда, тогда как любые попытки иных лиц получить документальные подтверждения сверхъестественных явлений

были обречены на провал?

– И это тоже говорило в вашу пользу. Как, думаете, Уиллу удалось получить разрешение на то, чтобы заняться вольным творчеством на территории заброшенного парка?

– Вы предположили, что через искусство возможен контакт с иным миром. Так сказал мне Уилл...

– А почему я это предположил? Мне вспомнился один удивительный случай. Как-то раз я держал в руках фотографию, сделанную в заброшенном парке. На переднем плане – танцующая девушка, а на заднем – неотчётливо видимый, но невероятно красивый тоннель из цветов, которого, как вы понимаете, там не было. Её молодой человек пришёл в парк не за чудесами, – он был влюблён в свою девушку, очарован её танцем, для него не было большего чуда на свете, чем она. А что касается Уилла, то он – безумец, всецело отданный искусству.

Мы вернулись к нашей скамейке. Сели и вновь погрузились в молчание.

После беседы с мистером Рольпером я обрёл душевный покой, которого не знал, казалось, целую вечность. Морские дали и шум волн вызывали во мне чувство, что всё, что было в моей жизни до того, как я оказался на этом побережье, унеслось далеко и безвозвратно. Один единственный образ из неё остался со мной, образ танцующей девушки, моей красавицы, возлюбленной Анны.

Следующие три дня я провёл в незабываемом путешествии с мистером Уиллом и его семьёй. Мы успели повидать практически все места в радиусе трёхсот миль от центра далмакской цивилизации, которые, благодаря своей удивительной красоте, либо необычности, известны каждому землянину. Не осуществилась только моя мечта побывать в Далмакских аллеях, поскольку тогда сезон их ещё не начался, но я, конечно, об этом нисколько не сожалею. Потом мистер Уилл повёл меня в хартбрукский дворец искусства. Мы посетили две художественные галереи. Первая – это собрание сенситивных полотен под общим названием «Города и люди», вторая – собрание рукописных работ под общим названием «Узники Солнца». На Земле они широко известны, на Далмаке их знают все. Я же, вынужден признаться, до того времени лишь слышал о них. Обе меня невероятно впечатлили, но во второй я был поражён ещё тем, что увидел знакомые лица.

– Поверить не могу! Уилл, это же вы! А это мистер Винер!

– Автор этих произведений, Роберт Галахен – наш с Винером друг! И очень может быть, что скоро вы тоже с ним познакомитесь, – ответил на это Уилл.

– Кажется, догадываюсь, почему.

– В этом гигантском дворце есть ещё пустующие галереи. Думаю, одна из них может в скором времени заполниться «Историей Вильского парка».

На шестой день профессор Рольпер пригласил нас с Уил-

лом в зал Верховной Академии, на торжественное собрание, которое он организовал по случаю своего выхода на пенсию.

Полчаса ходьбы от отеля «Vuen Amigo», где я остановился, к юго-восточной окраине Хартбрука, или пять минут плавного полёта на экспрессе, и перед вами «Капсула и Звездочёт», два корпуса главного в мире правительственного здания, одновременно являющегося и одним из самых великих архитектурных произведений двадцать третьего века! Далмакская Верховная Академия... Когда видишь её воочию, испытываешь особые ощущения, которые вряд ли можно испытать при виде её на фото или в кино. Ни то, ни другое полностью не передаёт невероятную энергию этого места, как и все оттенки, что образуются, когда оба солнца золотят прозрачные органические сооружения.

Мы прибыли к началу трудового дня. Один за другим на площадь садились экспрессы, из которых выходили члены Академии. Впрочем, не все совершали посадку. Некоторые пассажиры, имея на себе портативные летательные аппараты, выходили в воздухе и направлялись к верхнему крыльцу Капсулы или Звездочёта, – чтобы таким образом сократить путь до рабочего места.

Во мне вызывало удивление буквально всё, даже то, что все эти люди, за малым исключением, были пенсионного возраста, о чём, разумеется, я знал (должное значение картине придаёшь только когда видишь её перед собой).

А свободная форма одежды (в полном смысле этого слова) членов Академии просто поражала. Кто-то был в строгом костюме, кто-то в рубашке навыпуск и рваных джинсах, кто-то в тенниске и шортах, а кто-то только в шортах; одни предпочитали туфли, другие босоножки, а кто-то и вовсе шёл к рабочему месту босиком.

Я поделился своими впечатлениями с Уиллом, на что Уилл сказал:

– Чем проще отношение к жизни, тем легче справляться со сложными задачами. Простота, как и юмор – великолепное подспорье в любых, в том числе и столь важных делах, какими занимаются здесь. А что касается возраста, то отнюдь не он объединяет этих людей, а – простите за лекцию – человеческие качества, выдающийся интеллект и отсутствие амбиций. Вы, конечно, и сами всё это прекрасно знаете. В Академию приходят только зрелые люди, которым есть что передать другим, и в большинстве случаев приходят лишь потому, что их просят об этом. Если бы было иначе, этот Институт, равно как и все прочие, не был бы в состоянии обеспечивать безопасность и стабильность во всём мире.

Вслед за полным пожилым джентльменом с густой растительностью на спине мы вошли в вестибюль Звездочёта и затем сразу же в лифт. Когда этот джентльмен повернулся к нам лицом, я мысленно охарактеризовал его как приятного, дружелюбного человека, имеющего богатый жизненный опыт и готового прийти на помощь в сложной ситуации. Так

что голый торс и босые ноги только дополнили моё представление о членах Верховной Академии.

Лифт поднял нас на самый верх. Едва выйдя из него, мы окунулись в море ярких красок и света. Правда, поначалу я испытал шок, так как пол подо мной оказался, как и стены, прозрачным.

– Скоро вы привыкните, – бросил Уилл.

– Сердечный приступ мог случиться раньше, чем вы успели это произнести, – заметил я.

Уилл остановился и с чувством вины выдохнул:

– Простите. Забыл предупредить.

– А почему всё прозрачное?.. В этом ведь не только энтузиазм инженера-конструктора?..

– Здание, кроме того, что олицетворяет стремление к звёздам, является ещё и символом открытости Верховного института. Прозрачные элементы конструкции говорят о прозрачности намерений и естественности в решении насущных вопросов и проблем. К тому же, это не только одно из самых просматриваемых зданий в мире, – когда находишься в нём, лучше понимаешь, как тонок и прекрасен наш мир, и как он хрупок, как важно для его сохранения поддерживать во всём баланс.

Пройдя немного, мы попали в объёмную, в буквальном смысле головную часть здания, служившую залом заседаний. Отсюда было идеально видно всё, что окружало здание в пределах горизонта. Небо, земля, Хартбрук, солнечная стан-

ция, отдалённые поселения; горы и пустыня – с одной стороны, лес и горы – с другой.

Среди собравшихся под колпаком «Звездочёта» членов академии и гостей были знакомые лица. Мой бывший преподаватель мистер Франклин... неожиданная встреча с ним вызвала во мне столько положительных эмоций, что странство вокруг стало ещё более ярким и красочным.

– Вот уж не думал, что увижу вас здесь!

– Представьте, удивлён ничуть не меньше! Я же говорил вам, Вильгельм, всё у вас в итоге сложится так, как надо!

– Несколько лет назад ни за что бы ни поверил, что окажусь в таком месте и среди таких чудесных людей...

– Это потому, что у времени свои тайны от нас.

– Мистер Франклин, знакомьтесь, это мой друг Уилл!

– Вот значит, как выглядит тот самый странствующий волшебник! Но, признаюсь, примерно таким я вас и представлял до того, как увидел впервые. В нашем с Вилом родном городе сейчас о вас много говорят. Мне очень и очень приятно познакомиться с вами!

А вот присутствие в зале профессора Лео Фицхельма меня поначалу слегка насторожило. Пару минут я наблюдал за ним издалека и заметил то, что он внимательно рассматривает каждого проходящего мимо него.

– Этого старика умиляет, а если не умиляет, то восторгает, ну, а если не восторгает, то восхищает всё, что движется, – прокомментировал мне Уилл.

– Вы, вероятно, неплохо его знаете. И что же это, характерная для пожилого возраста черта?

– Что вы, далеко не все старики такие.

– Похоже, его равно интересуют, как миловидные женщины в прозрачных платьях, так и седовласые мужчины в строгих костюмах...

– Я знаю, что между вами как-то состоялся диалог. Правда, на расстоянии. Не хотите подойти к нему и узнать без моих подсказок, что он за человек, м? – Уилл заглянул мне в глаза. Улыбнулся и похлопал меня по плечу.

Откровенно говоря, я был уверен, что профессор меня не узнает. «... и когда я поздороваюсь с ним, он вынужденно улыбнётся и поздоровается в ответ, пытаюсь при этом вспомнить, где и при каких обстоятельствах мог меня видеть. Я безосновательно вторгнусь на его территорию, нарушу его покой. Так что, пожалуй, ни ему, ни мне это не нужно».

На полпути к профессору, я остановился, повернулся к Уиллу и покачал головой. Но серьёзное и немного задумчивое выражение его лица развеяло мои сомнения.

– Здравствуйте, мистер Фицхельм!

Ответное приветствие профессора поразило меня:

– Вильгельм, мой мальчик! Как же я рад тебя видеть! Я должен был извиниться перед тобой за тот вечер в университете. К счастью, я могу сделать это хотя бы сейчас... – он взял меня за руки и не отпускал.

– Что вы, мистер Фицхельм, вам не за что передо мной из-

виняться, – и это не желание показаться с благородной стороны, а абсолютная правда. Ведь всё это время я был благодарен вам, вам и профессору Рольперу за то испытание.

Лицо мистера Фицхельма просияло.

– Наконец-то это бремя свалилось с моей души. Я боялся того, что мы с Генрихом, беспечно играя в свои философские игры, могли причинить тебе вред, мой мальчик.

– Нет, вовсе нет.

– Я этому очень рад... Прошу тебя, присядь, составь на несколько минут старику компанию.

Я обернулся к Уиллу – на этот раз с чувством признательности ему за то, что он подтолкнул меня к личному знакомству с мистером Фицхельмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.